

D-46

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

На правах рукописи

ДИЛОЯН ВАЛЬТЕР АРТАШЕСОВИЧ

ВОСТОЧНАЯ АРМЕНИЯ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ
XIX СТОЛЕТИЯ И АРМЯНО-РУССКИЕ
ОТНОШЕНИЯ

(Диссертация написана на армянском языке)
(Специальность 07.00.02—История СССР)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации, представленной на соискание
ученой степени доктора исторических наук

ЕРЕВАН—1974

Работа выполнена в Институте истории Академии наук Армянской ССР.

Официальные оппоненты:

1. Доктор исторических наук, профессор З. Т. ГРИГОРЯН
2. Доктор исторических наук, профессор Т. Х. АКОПЯН
3. Доктор исторических наук В. А. МИКАЕЛЯН

Ведущее учреждение—Кафедра истории армянского народа Ереванского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета.

Автореферат разослан «—» ————— 1974 г.

Защита диссертации состоится «—» ————— 1974 г. на заседании Совета по присуждению ученых степеней Института истории АН Армянской ССР (г. Ереван, ул. Барекамутян, 24в).

С диссертацией можно ознакомиться в научном кабинете Института истории АН Армянской ССР.

Ваш отзыв (в двух экземплярах с заверенной подписью) просим прислать по адресу: Ереван, ул. Барекамутян, 24в, Институт истории АН Армянской ССР.

**Ученый секретарь Института истории
АН Арм. ССР, кандидат исторических наук**

Ж. А. АНАНЯН

В исследовании истории армянского народа XVIII—XIX столетий важное место занимает проблема национально-освободительной борьбы против турецкого и персидского деспотического ига, развернувшейся в эпоху разложения феодального способа производства. Эта проблема является важнейшим звеном в общественно-политическом и социально-экономическом развитии Армении, многочисленных армянских колоний за рубежом. Поэтому она нуждается в тщательном исследовании.

В виду сложившихся исторических обстоятельств, армянский народ был вынужден искать внешнеполитическую опору для своих освободительных чаяний в «единоверной» Европе, вступившей на путь колониальной экспансии.

Если вплоть до второй половины XVII в. руководители армянского освободительного движения ориентировались на западноевропейские страны, то на рубеже XVIII в. они стали связывать свои освободительные устремления с усилившимся русским государством. После того, как на арену европейской политики вступила великая русская держава Петра I, наблюдается значительное оживление армянского освободительного движения. Оно одновременно было результатом тех внешне-политических и внутренних изменений, которые происходили в Закавказье и соседних странах в упомянутую историческую эпоху.

Поскольку внешнеполитической опорой армянского национально-освободительного движения в XVIII—начале XIX вв. была в основном Россия и это движение носило характер русской ориентации, то естественно, исследование истории армянского национально-освободительного движения тесно связано с исследованием истории армяно-русских отношений.

В течение всего XVIII в. и в первой трети XIX в. руководители армянского национально-освободительного движения акцентировали свое внимание в первую очередь на освобождении Восточной Армении. К сожалению, мы не находим объяснения этого явления в нашей историографии. Здесь дело не только в том, что Армения была разделена между двумя восточными деспотическими державами, из которых Османская империя еще долго продолжала сохра-

цать относительную военную мощь. Наряду с этим существовал и другой момент, выдвинувший на первый план задачу освобождения Восточной Армении.

Дело в том, что в восточной части Армении находилась «Араратская страна», веками являвшаяся колыбелью армянской государственности, здесь находились древние столицы Армении—Армавир, Арташат, Вагаршапат, Двин и, наконец, здесь имел свое пребывание верховный центр армянской церкви—Эчмиадзин, католикосат всех армян. Он являлся, в известном смысле слова, последним носителем армянской государственности, в некотором отношении символом общности и единства армянского народа. Именно это обстоятельство заставляло деятелей армянского освободительного движения сосредоточить свое внимание на освобождении Восточной Армении.

Отсюда возникает вопрос, нуждающийся в объяснении; это—вопрос места, роли и значения армянской церкви в национально-освободительном движении. Армянская церковь, связанная своими истоками с феодальным обществом, являясь феодальным институтом, пережила глубокую эволюцию в течение веков. Характерно, что начиная с XVIII столетия основной кормилицей армянской церкви была колониальная армянская торговая буржуазия, рассматривавшая церковь как залог существования нации, сохранения ее единства. Если к сказанному присовокупить, что армянская церковь была институтом, воплощавшим в себе в некоторой степени понятие государственности, почему и турецкие султаны и персидские шахи главу армянской церкви—католикоса всех армян—считали халифом, то есть духовным и светским главой армянского народа, вполне станет ясным, почему армянская торговая буржуазия придавала первостепенное значение Эчмиадзину, почему в армянских освободительных проектах главенствовали Восточная Армения и Эчмиадзин.

Далее. Одна из основных проблем армянского национально-освободительного движения—проблема характера и цели направленности его. В советской армянской историографии было выдвинуто положение (в частности П. Т. Арутюняном), что цель армянского освободительного движения заключалась в стремлении присоединиться к России. При этом, сторонники этого положения игнорировали и игнорируют не только сохранившиеся в архивных документах свидетельства о желании восстановления армянской государственности, составленные по этому вопросу проекты, но и тот неопровержимый факт, что Россия в течение всего XVIII в. руководствовалась внешнеполитической программой, в основе которой лежала идея восстановления армянской государственности

сти в Закавказье или же создания под протекторатом России объединенного армяно-грузинского христианского царства, как буфера между русской державой и Турцией. Отсюда и необходимость правильного восприятия и толкования национальных и классовых задач армянского национально-освободительного движения.

С правильным пониманием классовых и национальных задач армянского национально-освободительного движения непосредственно связан вопрос о существовавших в нем направлениях во второй половине XVIII—начале XIX вв. Еще с 1920-х годов в нашей историографии получила широкое распространение точка зрения, согласно которой в армянском освободительном движении существовали два направления—клерикально-феодалное и буржуазно-демократическое, преследовавшие цель создать в освобожденной будущей Армении, соответственно, монархию и буржуазную республику.

На наш взгляд, сторонниками этой точки зрения не учтен ряд обстоятельств, которыми и диктуется необходимость ее пересмотра, так как она не отражает исторической действительности. В частности, не учтено то немаловажное обстоятельство, что в многочисленных армянских колониях, особенно России и Индии, где создавались освободительные программы, командные высоты находились в руках представителей армянской торговой буржуазии. Не учитывалось, что во всех армянских колониях России уже в XVIII в. социально-экономическое развитие шло по руслу становления капиталистических производственных отношений. Отсюда и вытекает, что не могло существовать резкое различие взглядов и программ среди представителей одного и того же класса, хотя они и действовали в разных странах.

Здесь необходимо отметить, что взгляды представителей армянских колоний России и Индии совпадали в вопросе о будущем статусе Армении¹. Армянская церковь также не могла придерживаться совсем иного курса, ибо в материальном отношении зависела от армянской торговой буржуазии, была неразрывно связана с ней.

Для ясного понимания особенностей армянского национально-освободительного движения вплоть до присоединения Восточной Армении к России, необходимо иметь ввиду и следующее. Если до 1801 г., в течение почти целого столетия,

¹ См. А. Ш. Мнацаканян. К вопросу об оценке составленных в XVIII в. двух проектов армяно-русского союзного договора, «Вестник Матенадарана», 1958, № 4; В. А. Дилоян. Из истории общественно-политической деятельности Лазаревых, Ереван, 1966 (на арм. яз.).

внешнеполитический курс русского правительства был направлен на восстановление армянской государственности под своим протекторатом, то после присоединения Восточной Грузии к России в 1801 г. и ликвидации грузинского государства, этот курс претерпел существенные изменения. С этих пор внешняя политика царизма в Закавказье приобрела аннексионистский характер. Несмотря на это, армянский народ был заинтересован в успехе русского оружия, так как единственно Россия могла принести ему избавление от восточного деспотического режима и феодальной анархии.

Эти изменения должны были внести коррективы в армянские освободительные проекты. Если в XVIII в. ставился вопрос восстановления армянского государства, то в следующем столетии речь шла об автономии в системе Российской империи, хотя ясна была призрачность подобных устремлений.

Ввиду того, что во всех проектах затрагивался вопрос социально-экономических основ будущей Армении с учетом местных особенностей, в частности вопрос землевладения и землепользования, поэтому первый раздел диссертации посвящен рассмотрению социально-экономического положения Восточной Армении в первой трети XIX в. Анализ этого вопроса помогает полнее представить взгляды деятелей армянского национально-освободительного движения, их желания и цели.

Вот круг вопросов, которые исследуются нами, и которые, на наш взгляд, дают возможность правильно истолковать исторические события указанного периода, сыгравшие важную роль в жизни армянского народа.

* * *

О социально-экономическом положении Восточной Армении, армяно-русских отношениях создано значительное количество исторической литературы как в дореволюционный период, так и советской исторической наукой. Кроме того, сохранилось огромное число документов в различных архивах страны (в АВПр, ЦГИА СССР, ЦГВИА, ЦГАДА, ЦГИА Груз. ССР, ЦГИА Арм. ССР, в областных архивах Москвы и Ленинграда, в Институте древних рукописей им. Маштоца при Совете Министров Арм. ССР (Матенадаран) и т. д.).

Много документальных материалов, касающихся Армении и армяно-русских отношений, опубликовано в «Актах, собранных Кавказской археографической комиссией», в «Собрании актов относящихся к обозрению истории армянского народа» (тт. I—III, М., 1833—1838). Если первый сборник содержит в основном официальные документы, освещающие

внешнеполитический курс царского правительства, его внутреннюю политику в Закавказье, то опубликование «Собрания актов...» преследовало цель раскрыть корни исторической дружбы русского и армянского народов и политические чаяния армянского народа от России. Они вышли в годы, когда все еще существовала Армянская область и теплились хрупкие надежды армянского самоуправления.

Интересный фактический материал, касательно армянской общественной жизни, содержит сборник документов «Архив армянской истории» (на арм. яз.) Гюта Аганяна. Документы, опубликованные Аганяном, освещают борьбу архиепископов Давида и Даниила за патриарший престол, показывают какие общественные силы стояли за ними, каковы были их целеустремления и т. д.

По интересующим нас вопросам богатый материал имеется в первом томе сборника документов, опубликованном Институтом истории АН Арм. ССР². В него включены документы относительно социально-экономической жизни Восточной Армении, политики России в Закавказье, армяно-русских связей, политических стремлений армянского народа и т. д.

Необходимо отметить, что если мы располагаем сравнительно богатыми материалами о северных районах Восточной Армении и Карабахском ханстве, которые позволяют раскрыть особенности социально-экономической жизни, то этого мы не имеем о Ереванском и Нахичеванском ханствах. Сохранился довольно богатый материал о монастырском хозяйстве Эчмиадзина, который дает возможность понять суть и характер аграрных отношений этого периода. Оценка исторической литературы по социально-экономическим вопросам будет дана в соответствующем месте, для целостного восприятия сущности вопроса.

Ряд перечисленных выше проблем в той или иной степени рассматривался в исторической литературе, но с разных позиций. Во многих случаях просто игнорировалась историческая действительность. В частности, умалчивались или искажались политические цели армянского народа.

В досоветской историографии история армяно-русских отношений освещена в трудах Н. Дубровина, В. Потто, Щербатова и других исследователей. В многотомном исследовании Н. Дубровина³ политика российского царизма рассмат-

² «Присоединение Восточной Армении к России», сб. док., т. I, составили: Ц. П. Агаян, С. А. Тер-Авакимова, Д. А. Мурадян, В. А. Дилоян, Введение Ц. П. Агаян и В. А. Дилояна, редактор Ц. П. Агаян, Ереван, 1972.

³ Н. Ф. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, тт. I—VI, СПб., 1871—1888.

ривается с позиций апологетики монархии. Поэтому установление власти царизма в Закавказье он считал исключительным добром для армянского народа.

В работе Н. Дубровина много места уделено различным вопросам истории армянского народа. Дубровин считает, что борьба Давида и Даниила была борьбой двух политических ориентаций—русской и персидской. Это господствовавшее в историографии мнение, как мы увидим в дальнейшем, ошибочное, ибо ни один общественный слой армянского народа в этот период не имел персидской ориентации.

Неправильна данная Н. Дубровиным оценка деятельности генерала П. Д. Цицианова, исходившей из узко классовых интересов местной феодальной верхушки и царской бюрократии, полной промахами, как во внутренней, так и во внешней политике.

С крайне монархистских-великодержавных позиций написан биографический труд Щербатова о генерале И. Ф. Паскевиче⁴, где затрагивается ряд проблем истории армянского народа в связи с деятельностью Паскевича на Кавказе. Полностью разделяя колонизаторские взгляды восхваляемого им генерала, Щербатов поносит освободительные чаяния армянского народа и его лучших представителей, слепо повторяет все выдумки Паскевича в адрес армянского народа.

Хотя труды В. Потто⁵ также написаны с монархистских позиций и прославляют победы царизма, но этот автор, в отличие от Щербатова и других, по заслугам оценил самоотверженную помощь армянского народа русским войскам, его героическую борьбу и сыгранную им прогрессивную роль в Передней Азии. Потто подробно описывает содействие отдельных армянских деятелей и боевых дружин русским армиям, несомненные симпатии армянских народных масс к России, но не более. В. Потто не видел освободительных устремлений армянского народа, его политических целей.

В дореволюционной армянской историографии также частично рассмотрены интересующие нас вопросы⁶. Более

подробно и обстоятельно они рассматривались А. Ерицяном⁷. Однако Ерицян не смог дать правильное истолкование ряда вопросов, которые помогли бы правильно охарактеризовать освободительные идеи армянского народа. Руководствуясь ошибочным положением, что армянский народ являлся лишь орудием для утверждения господства царизма в Закавказье, он почти всех видных армянских деятелей представил лишь как апологетов политики царизма. Поэтому столкновение Паскевича с Н. Аштаракеци он считает следствием личной антипатии, не видит политической подоплеки этого явления. Правильно оценив положительное значение акта присоединения Восточной Армении к России, Ерицян, тем не менее, приписывает царизму благотворительную миссию.

В основном на правильных позициях стоит М. Орманян. Дав положительную оценку акту присоединения Восточной Армении к России, он отмечает, что не осуществились политические чаяния армян⁸. Однако отсутствие соответствующего фактического материала не дало возможности Орманяну подкрепить свои предположения относительно освободительной идеологии армян.

В трудах Е. Гегамяна проблема русско-армянских отношений рассматривается с крайне националистических, клерикальных и антирусских позиций⁹. У него полностью отсутствует необходимый для оценки исторических событий и личностей объективный исторический подход. Гегамян все видит сквозь призму своих убеждений, поэтому и подвергает уничтожающей критике деятельность Иосифа Аргутинского, Нерсеса Аштаракеци, Лазаревых и всех тех, кто освобождение Армении искал в помощи России. По мнению Гегамяна, вышеперечисленные деятели стали слепым орудием русской политики, свели на нет значение и роль армянской церкви и тем самым подготовили будущие «несчастья» армянского народа.

Важнейшие вопросы истории армянского народа второй половины XVIII—начала XIX вв. затрагиваются в трудах талантливой представителя армянской либеральной историо-

⁷ А. Ерицян. Католикосат всех армян и кавказские армяне в XIX в., чч. I и II, Тифлис, 1894—1895; он же. Нерсес у Аштаракеци, ж. «Пордз», 1881, № 3; он же. Участие армян в утверждении господства России в Закавказье, ж. «Пордз», 1877—1878, № 2 (все на арм. яз.).

⁸ М. Орманян. Национальная история, т. III, Иерусалим, 1927 (на арм. яз.).

⁹ Е. Гегамянц. Исторические выписки, вып. I—X, Баку, 1909—1915; он же. Освободительные движения армян в XIX в. или четвертый этап Армянского вопроса, Баку, 1915; он же. Уроки истории, Баку, 1915 (все на арм. яз.).

⁴ Щербатов. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность, т. III, СПб., 1891.

⁵ В. А. Потто. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях, тт. I—IV, СПб., 1885—1888; он же. Первые добровольцы Карабага в эпоху водворения русского владычества, Тифлис, 1902.

⁶ Об этом подробно см.: Н. Б. Саруханян. Проблема присоединения Восточной Армении к России в дореволюционной армянской историографии, Ереван, 1971 (на арм. яз.).

рафии Лео (Аракела Бабахаяна). Однако у него наблюдались колебания, противоречивость суждений. Если в своих трудах дореволюционного периода¹⁰ Лео давал более чем положительную оценку акту присоединения Восточной Армении к России, усмотрев в нем прогресс с точки зрения национальной консолидации и социально-экономического развития, то в конце жизни, подпав под влияние вульгарного социализма, он занял диаметрально противоположную позицию, отрицая положительные последствия господства России. В этот период Лео считал Н. Аштаракеди, Лазаревых и их единомышленников приверженцами царизма, покорными орудиями политики последнего. Он не хотел видеть истинные замаскированные армянские деятели¹¹. Тем не менее, велика заслуга Лео в разработке истории эпохи присоединения Восточной Армении к России.

История армяно-русских отношений стала предметом подлинного научного исследования лишь после установления Советской власти в Армении. Первым исследователем-марксистом этой проблемы явился академик АН Арм. ССР Ашот Иоаннисян¹². обстоятельно исследовав идеологические и практические проявления армянского освободительного движения еще со средневековья, Ашот Иоаннисян показал истоки русской ориентации армянского освободительного движения. Труды Ашота Иоаннисяна дают возможность проследить пути развития армянской освободительной мысли, внутреннюю логическую связь различных эпох и событий.

Ряд вопросов исследуемого нами периода рассматриваются в трудах академиков АН Арм. ССР А. Р. Иоаннисяна и М. Г. Нерсисяна, профессоров В. А. Парсамяна, З. Т. Григоряна, Т. Х. Акопяна, кандидатов исторических наук Б. Балаяна, Н. Сарухяна и др.

Вопросам дипломатической борьбы вокруг Закавказья посвящена монография А. Р. Иоаннисяна¹³. Подвергая кри-

¹⁰ Лео. Католикос Иосиф Аргутян, Тифлис, 1901; он же. Степанос Назарянц, тт. 1—2, Тифлис, 1902—1903; он же. Григор Арицруни, тт. 1—3, Тифлис, 1902—1905; он же. История Ереванской армянской епархиальной духовной школы, Тифлис, 1914; он же. История Карабахской армянской епархиальной духовной школы, Тифлис, 1915 и др. (все на арм. яз.).

¹¹ Лео. История Армении, новейший период, вып. I—II, Ереван, 1926—1927.

¹² А. *Johannian*. Israel Ory und die armenischen Befreiungsidee, München, 1914; А. Иоаннисян. Проблема возникновения армяно-русской ориентации, Эчмиадзин, 1921; он же. Очерки истории армянской освободительной мысли, т. I—II, Ереван, 1957—1959 (все на арм. яз.).

¹³ А. Р. Иоаннисян. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия, Ереван, 1958.

тике политику Англии и Франции на Ближнем и Среднем Востоке, направленную против России, он показывает, что внешняя политика этих двух колониальных держав шла вразрез интересам освободительных целей закавказских народов. А. Р. Иоаннисяном рассматривается также сущность борьбы между архиепископами Давидом и Даниилом, но повторяется устаревшая, на наш взгляд, точка зрения о том, что борьба носила характер двух ориентаций—персидской и русской.

Академиком АН Арм. ССР М. Г. Нерсисяном исследованы отношение и участие армянского и других народов Кавказа в Отечественной войне 1812 г.¹⁴, участие сосланных на Кавказ декабристов в освобождении Восточной Армении из-под хано-персидского ига, участие, которое, по мнению автора, усилило освободительный характер русско-персидской войны 1826—1828 гг.¹⁵ Труды М. Г. Нерсисяна важны для освещения армяно-русских дружественных связей.

Значительная часть исследований проф. В. А. Парсамяна посвящена вопросам армяно-русских отношений указанного периода. Если в первом труде проф. Парсамяна подвергается критике колониальная политика царизма в Армении и он придерживается точки зрения, что присоединение к России было наименьшим злом для восточных армян¹⁶, то позднее он молча отказался от этого положения. Им написана работа также об участии декабристов в освобождении Восточной Армении¹⁷.

Большого внимания заслуживает монография В. А. Парсамяна о А. С. Грибоедове и армяно-русских отношениях 20-х годов XIX в.¹⁸ Здесь он, несмотря на некоторое преувеличение роли А. С. Грибоедова в армяно-русских отношениях, рассматривает такой важный вопрос, каким являлось восстановление армянской государственности. Однако проект, представленный армянскими деятелями по этому вопросу, он считает неопределенным. Это результат того, что автор рассматривает его в отрыве от предыдущего периода.

¹⁴ М. Г. Нерсисян. Участие армян в Отечественной войне 1812 г. (в его книге: «Из истории русско-армянских отношений», т. I, Ереван, 1956); он же. Новые архивные документы об Отечественной войне 1812 г., «Известия» АН Арм. ССР, 1944, № 3—4 (на арм. яз.); он же. Отечественная война 1812 г. и народы Кавказа, Ереван, 1965.

¹⁵ М. Г. Нерсисян. Декабристы в Армении, Ереван, 1958 (на арм. яз.).

¹⁶ В. А. Парсамян. Колониальная политика царизма в Армении, Ереван, 1940 (на арм. яз.).

¹⁷ В. А. Парсамян. Декабристы в Армении, Ереван, 1957 (на арм. яз.).

¹⁸ В. А. Парсамян. А. С. Грибоедов и армяно-русские отношения, Ереван, 1947; он же. История армянского народа. Пособие для студентов вузов, т. III, Ереван, 1967 (все на арм. яз.).

В исследовании истории армяно-русских отношений и присоединения Восточной Армении к России важны труды проф. З. Т. Григоряна. В нашей историографии он первым попытался дать полную историю армяно-русских дружественных связей, их эволюцию и ступени развития. Он рассматривает также вопросы международной дипломатической борьбы, политический курс царского правительства, военное сотрудничество армян и русских войск и т. д.¹⁹

Из советских историков А. В. Фадеев в своей монографии²⁰, помимо внешнеполитических вопросов, рассматривает также стремление закавказских народов сбросить чужеземное иго с помощью России, но не касается их политических целей. Заслуживает внимания положение А. В. Фадеева о том, что этот вопрос не может быть исследован полностью и по-научному, если ограничиться только существующими ныне территориальными рамками.

О положении Восточной Армении, международной дипломатической борьбе и других вопросах много сведений мы черпаем из работ западноевропейских и русских дипломатов и путешественников: Дж. Малкольма²¹, Дж. Макдональда Киннейра²², Гарфорда Джонса²³, П. Жобера²⁴, генерала Гардана²⁵, У. Аузли²⁶, Фрейгана²⁷, Ж. Гамба²⁸, Дж. Морьера²⁹,

¹⁹ З. Т. Григорян. Вековая дружба армянского и русского народов, Ереван, 1960; он же. Военное сотрудничество армянского и русского народов в начале XIX в., Ереван, 1957 (все на арм. яз.); он же. Присоединение Восточной Армении к России, М., 1959.

²⁰ А. В. Фадеев. Россия и Кавказ первой трети XIX в., М., 1960.

²¹ J. Malcolm. The History of Persia from the most Early Period to the Present Time, vol. I—II, London, 1815—1829; J. Malcolm. Sketches of Persia, London, 1845; J. W. Kaye. The Life and Correspondence of Sir J. Malcolm. vol. I, London, 1856.

²² J. Macdonald Kinneir. A Journey Through Asia Minor, Armenia and Koordistan (1813—1814), London, 1818; J. Macdonald Kinneir. A Geographical memoir of the Persian Empire, London, 1813.

²³ Harford Jones Bridges. An Account of the Transactions of His Majesty's to the Court of Persia in the Years 1807—1811, London, 1834.

²⁴ P. A. Jaubert. Voyage en Arménie et en Perse, Paris, 1821.

²⁵ Gardane. Journal d'un voyage dans la Turquie et la Perse fait en 1807 et 1809, Paris-Marseille, 1809; Mission du général Gardane en Perse sous le Premier Empire. Documents historiques publiées par son fils le c. Alfred de Gardane, Paris, 1865.

²⁶ W. Ousley. Travels in Various Countries of the East, More Particularly Persia, vol. I—III, London, 1819—1823.

²⁷ W. Freygan. Lettres sur la Caucase et la Georgie, suivies d'une relation d'un voyage en Perse en 1812, Hambourg, 1816.

²⁸ J. F. Gamba. Voyage dans la Russie méridionale et particulièrement

М. Коцебу³⁰, Г. Друвиля³¹, Кер Портера³², У. Монтиса³³, М. Клапрота³⁴, В. Фонтанье³⁵ и многих других.

В своей основе труды английских и французских путешественников и дипломатов имеют одну общую характерную черту—они направлены против политики России на Ближнем и Среднем Востоке. Отражая тенденциозно интересы своих правительств, они игнорируют освободительную борьбу армянского народа, роль России в этой борьбе. Подчас они вынуждены были признать, что политические симпатии армянского народа на стороне России, но умалчивают о сущности его политических чаяний.

Необходимо отметить, что последующая западноевропейская буржуазная историография разработала свои концепции на основе материалов и суждений этих самых дипломатов и путешественников. Эта концепция вкратце сводится к тому, что политика России, в частности в отношении Персии, носила агрессивный характер, имея конечной целью завоевание Индии. Ясно, что эта концепция совершенно не принимает в счет жизненные интересы борющихся за свое освобождение народов. Даже в современной нам буржуазной историографии продолжает иметь хождение точка зрения, согласно которой лишь соперничество Англии и Франции способствовало России приобрести Закавказье, т. е. опять-таки игнорируются интересы местных народов.

dans les provinces situées au-delà de Caucase, fait depuis 1820—1824, vol. I—II, Paris, 1826.

²⁹ J. Morier. A Journey through Persia, Armenia and Asta Minor to Constantinople in the Years 1808 and 1809, London, 1812; J. Morier. A Second Journey through Persia, Armenia and Asia Minor to Constantinople (1810—1816), London, 1818.

³⁰ M. de Kotzebue. Voyage en Perse, à la suite de l'ambassade russe, en 1817, Paris, 1819.

³¹ G. Drouville. Voyage en Perse, fait en 1812 et 1813, tt. I—II, Paris, 1825.

³² R. Ker Porter. Travels in Georgia, Persia, Armenia, Ancient Babylonia, during the Years 1817 to 1820, vol. I—II, London, 1821—1822.

³³ W. Monteith. Kars and Erzerum: with the Campaigns of Prince Paskiewitch in 1828 and 1829; and an Account of the Conquests of Russia Beyond the Caucasus, from the Time of Peter the Great to the Treaty of Turcomanchie and Adrianople, London, 1856.

³⁴ M. Klaproth. Tableau historique, géographique, ethnographique et politique du Caucase et des provinces limitrophes entre la Russie et la Perse, Paris-Leipzig, 1827.

³⁵ V. Fontanier. Voyage en Orient, entrepris par ordre du gouvernement Français, de l'année 1821 à l'année 1829, Paris, 1829.

Эта точка зрения ярко выражена у Р. М. Сейвори³⁶. Подобные взгляды, господствующие в буржуазной историографии, также делают необходимым полное раскрытие и подробное истолкование идеологии и политических целей армянского национально-освободительного движения.

Выше были изложены все те важные вопросы, которые рассматривались в исторической литературе. Какие же положения выдвинуты и истолкованы нами?

Мы сделали предметом нашего исследования Восточную Армению по той причине, что деятели армянского национально-освободительного движения акцентировали внимание в первую очередь на освобождении Восточной Армении, бывшей колыбелью армянской государственности и местом, где находился центр армянской церкви. Эту последнюю они рассматривали как общенациональный институт, призванный объединить разбросанный народ, дать целенаправленность его устремлениям. Именно поэтому ими выдвигалась программа реформы правления армянской церкви, укрепления принципа коллегиальности руководства.

Мы обстоятельно исследовали развернувшуюся в армянской действительности борьбу между архиепископами Давидом и Даниилом и пришли к заключению, что она не была борьбой двух ориентаций, как утверждали до сих пор, а проявлением двух направлений в освободительном движении—радикально-буржуазного и национально-консервативного. Оба направления желали освобождения Восточной Армении с помощью России, но придерживались, как будет показано, разных тактических линий.

Исследование социально-экономического положения Восточной Армении обнажает все те преграды, которые лежали на пути развития производительных сил страны, обрекали ее на отсталость. Особое внимание уделяется вопросу личной зависимости крестьянства, так как он являлся одной из коренных проблем, затрагиваемых во всех освободительных проектах.

Со второй половины XVII в. освободительные чаяния армянского народа в основном связывались с Россией. Если вплоть до конца XVIII столетия одна из основных целей России в Закавказье заключалась в восстановлении армянской государственности, то в XIX в. положение резко меняется. Оно было связано с новым политическим курсом России после присоединения Грузии. Таким образом вопрос присоединения Грузии к России тесно переплетался с вопросом

³⁶ R. M. Savory. British and French Diplomacy in Persia 1800—1810, „Iran“, vol. X, London, 1972.

о будущем статуте Армении. Поэтому мы довольно обстоятельно рассматриваем вопрос присоединения Грузии к России, так как изменившийся политический курс царизма ставил деятелей армянского освободительного движения перед сложной задачей, а именно, каковым будет будущее Армении?

Первая треть XIX в. озаменовалась борьбой царизма за Восточную Армению. В этой дипломатической и вооруженной борьбе нескрываемые симпатии армянских народных масс были на стороне России, так как в помощи России они видели единственный залог спасения от мусульманского фанатического ига. Но это не было стремлением замены одного ига другим, пусть более легким. Исторические факты показывают, что в созданных условиях армянский народ стремился добиться хотя бы национального самоуправления в системе Российской империи. Факты показывают также, что царское правительство хорошо сознавало подобное стремление армянского народа, что нашло выражение в создании Армянской области.

Вот основной круг вопросов, рассматриваемых в диссертации, и характеризующих сущность армяно-русских отношений в первой трети XIX столетия. Этим мы старались также показать тот неопровержимый исторический факт, что в течение первых трех десятилетий XIX в. Закавказье и Восточная Армения не являлись лишь пассивным орудием международной дипломатической и политической борьбы, что армянский и другие народы Закавказья имели свои идеалы и стремления, активно боролись за их осуществление. Это было выражением потребностей развития производительных сил страны, ищущих выхода из тупика. Этим самым опровергается тенденция буржуазной историографии считать Закавказье персидской территорией, а присоединение Закавказья к России—лишь как «политику империалистической экспансии России за счет Персии», и «постоянную аннексию обширных персидских территорий»³⁷.

Факт остается фактом, что политика России в основном совпадала с интересами армянского народа, с интересами дальнейшего развития страны, почему и находила поддержку со стороны широких народных масс.

Подобное целостное рассмотрение вопросов позволяет раскрыть диалектическое единство всего сложного комплекса событий, понять их сущность.

* * *

Диссертация состоит из введения, обзора источников и литературы, двух разделов и заключения.

³⁷ R. M. Savory. British and French Diplomacy in Persia, p. 43.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
ВОСТОЧНОЙ АРМЕНИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

I. Административное деление Восточной Армении

В самом начале XIX столетия Восточная Армения входила в состав Персии. В административном отношении ее территория была разделена между Ереванским, Нахичеванским, Карабахским, Гянджинским ханствами и Картли-Кახетинским царством. Долговременное отсутствие в Персии центральной шахской власти способствовало усилению центральных тенденций в ханствах, в результате чего они пользовались относительной независимостью. Это обстоятельство имело самые отрицательные последствия для развития производительных сил, усиливало феодальную анархию и пагубно влияло на положение трудящихся масс.

Естественно, что раздробленность страны, наличие самых различных форм восточнофеодальной эксплуатации, таможенные барьеры, постоянные нашествия и грабежи создавали безысходное положение для армянского народа, подвергавшегося к тому же религиозным гонениям.

Ханства, в свою очередь, делились на магалы. В Ереванском ханстве существовало 15 магалов, в Нахичеванском—5, в Ордубадском округе—4, в Карабахе—21. Начальствовали над магалами наби или мирболюки, назначаемые либо из азербайджанских беков, либо из армянских меликов. Что касается северных районов Армении (Борчалу, Лори, Памбак, Шамшадиль), то они входили в состав Грузинского царства, а с 1801 г. отошли к России. Во главе их стояли моуравы из грузинских княжеских фамилий, а при них назначались главные приставы из числа русских офицеров. Они непосредственно подчинялись главноуправляющему Грузией.

Кроме того, значительное число армян проживало в других областях Закавказья. Так, например, в Тифлисе проживало около 15.000 армян, а в уезде—4432 души, в Телави и уезде—5233 души, в Сигнахе, Гори и Душете—21316 душ, в Елисаветполе—9884 души. Таким образом, в Грузии и Елисаветпольском округе треть христианского населения составляли армяне³⁸. Армяне проживали также в г. Шемахи и окрестных 38 селениях, в г. Нухи и близлежащих 47 селениях,

³⁸ Матенадаран, Архив католикоса, папка 37, док. 360; также А. Ерицян. Католикосат всех армян и армяне Кавказа, ч. I, Тифлис, 1894, стр. 139—140 (на арм. яз.).

в Баку, Дербенте, Кубе и т. д.³⁹ Это обстоятельство повышало их значение в политике царского правительства.

Ханства не являлись наследственными феодами, тем не менее, начиная со второй половины XVIII столетия, в связи с царившей в Персии феодальной анархией, многие из ханов проявляли тенденции создания своих местных династий.

В Персии и находившихся на территории Восточной Армении ханствах, как это было свойственно восточным деспотическим режимам вообще, также власти осуществляли три основные функции: а) финансовую (грабеж собственного населения), б) военную (грабеж внутри страны и в соседних странах), в) общественных работ (забота об обеспечении воспроизводства)⁴⁰.

Основное внимание ханское правление уделяло взысканию налогов, а целью нападений на соседние ханства и турецкие пашалыки был грабеж. Купеческие караваны также подвергались грабежу, подчас с ведома и согласия ханов. Так как основной отраслью производства было основанное на искусственном орошении сельское хозяйство, то много внимания уделялось на сооружение каналов и восстановление старых; в этих работах, в виде отработочной ренты, поголовное участие принимало почти все население.

У ханов были свои органы правления—диваны или советы, куда входили везир и несколько мирз, ведавших различными ведомствами. Хазнадар-агаси (начальник казны) ведал казной, сандухтар-агаси—расходами, амбардар-агаси—натуральными поборами, серафюл-бек командовал вооруженными силами, даруга управлял городом и т. д.

Судебное ведомство находилось в руках мусульманского духовенства, руководствовавшегося в своих приговорах правилами шариата. Мелкие споры и иски большей частью решались нормами обычного права. Сами ханы часто лично рассматривали уголовные дела, а также гражданские, если они обещали солидную сумму. Слово ханов имело силу закона, если оно даже противоречило принципам правосудия. Было бы наивно думать о законности «в стране беззакония», где воля и капризы ханов были законом и никто не решался перечить им⁴¹. Всюду применялись телесные наказания—выкалывали глаза, отрезали нос и уши, выстреливали жертвами из пушек и т. д.⁴²

³⁹ Матенадаран, Архив католикоса, папка 32, док. 219; также ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 4, 1811 г., д. 233—249, лл. 390—395.

⁴⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 221.

⁴¹ П. Огородников. На пути в Персию и Прикаспийские провинции ее, СПб., 1878, стр. 194.

⁴² Х. Абовян. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 59—60 (на арм. яз.).

Однако надо иметь в виду, что при рассмотрении гражданских дел христианское население пользовалось определенной самостоятельностью юрисдикции. В этой области право принадлежало армянской церкви и духовенству, а также армянским меликам вообще, сельским меликам и старшинам в частности. При рассмотрении гражданских дел армяне руководствовались нормами обычного права и «Судебником» Мхитара Гоша. Спорные приговоры окончательно решались Эчмиадзинским католикосатом. Если же судились мусульманин и христианин, то дело рассматривалось согласно шариа-ту, и предпочтение отдавалось мусульманину и его свидетелям.

В перешедших под владычество России в начале XIX в. армянских территориях формы правления отличались друг от друга. Если в северных районах была введена русская система правления, то в Карабахе сохранилась ханская система вплоть до 1823 г. Этим самым окончательно рушились надежды карабахских армянских меликов—восстановить свои прежние права и преимущества с помощью царской России. Более того, Карабахский Мехти-Кули хан еще больше усилил эксплуатацию подвластного армянского населения, нарушая даже элементарные права крестьянства. В Карабахском ханстве заметно было нескрываемое стремление установить крепостничество. Мехти-Кули хан щедро раздавал своим родственникам и приближенным селения и крестьян. При этом ханские указы были незаконными, так как даты проставлялись старые, а бекам присваивали такие права, какими они никогда не обладали.

Пример Шекинского ханства является красноречивым свидетельством того, насколько неизменным оставалось положение армянского населения в признавших владычество Российской империи ханствах. Здесь долгое время с армян взыскивался налог, называемый «дин и паг» («за веру»), налог за право отправления церковных обрядов. Несмотря на указание главноуправляющего И. И. Гудовича прекратить взыскание унижающего человеческого достоинство налога «за веру»⁴³, ханы продолжали взыскивать его и в дальнейшем.

После побега Мехти-Кули хана и других ханов в Персию, в подвластных России ханствах был введен комендантский режим. Однако не были созданы какие-либо правила относительно полномочий комендантов и фактическое положение не изменилось⁴⁴, хотя определенные сдвиги имелись в экономической жизни ввиду введения единой системы мер и весов.

⁴³ АКАК, т. III, док. 415.

⁴⁴ А. Мильман, Политический строй Азербайджана в XIX—начале XX вв., Баку, 1966, стр. 75.

способствовавшего ликвидации последствий феодальной раздробленности.

В 1820 г. в Карабахе был учрежден провинциальный суд под председательством шушинского коменданта, с участием четырех заседателей, двое из беков, двое из нижних слоев населения—один армянин и один мусульманин. Провинциальный суд, помимо гражданских и уголовных дел, распределял налоги, распоряжался откупными статьями, взыскивал таможенные сборы и т. д.⁴⁵ Однако шариацкие духовные суды также продолжали действовать и занимались рассмотрением мелких гражданских дел⁴⁶.

Северные районы Армении находились под правлением Верховного грузинского правительства, имевшего четыре экспедиции—исполнительную, казны и экономики, уголовную и гражданских дел. Правитель Грузии, начальники экспедиций и их советники составляли Общее собрание Верховного грузинского правительства, обладавшее правом пересмотра решений экспедиций. Судебные дела окончательно решались в Общем собрании. Приговоры по уголовным делам утверждались главноуправляющим Грузией. С 1819 г. это право перешло правительствующему сенату⁴⁷.

Несмотря на отдельные нарушения, разношерстность системы правления, в присоединенных к России армянских территориях положение народных масс значительно улучшилось, были созданы предпосылки для дальнейшего развития.

Что же касается находившихся все еще под гнетом хано-персидского ига Ереванского и Нахичеванского ханств, то положение армянского народа здесь все более и более ухудшалось, так как правители этих провинций, будучи хорошо осведомлены об освободительных чаяниях армян, усиливали национальный и социальный гнет, все чаще и чаще прибегая к беззаконию и репрессиям.

Таким образом, для народных масс территорий Восточной Армении, находившихся под хано-персидским игом, существовало невыносимое положение, единственным выходом из которого была борьба за освобождение, за восстановление собственной государственности.

2. Земельные отношения

Вопрос существовавших в Восточной Армении в последний период хано-персидского правления земельных отноше-

⁴⁵ ЦГИА СССР, ф. Ревизия Мечникова и Кутайсова, оп. 1, 1830, лл. 442—445 об.

⁴⁶ «Обозрение российских владений за Кавказом», ч. III, СПб., 1836, стр. 140—141.

⁴⁷ А. Мильман, ук. соч., стр. 60—61.

ний и форм землепользования был предметом длительного спора в трудах, посвященных истории аграрных отношений.

Дореволюционные исследователи, служившие в Закавказье царские чиновники высказали точку зрения, что в Восточной Армении и во всех так называемых «мусульманских провинциях», в отличие от крепостнической Грузии, отсутствовала частная собственность на землю, крестьянство не находилось в личной крепостной зависимости. В советской же армянской историографии преобладает другая точка зрения, т. е. признается наличие как частной собственности на землю, так и личная зависимость крестьян от так называемых помещиков—мулькадаров и тиульдаров.

Предметом особого спора был вопрос о мулькадарстве и мулькадарском праве. Если историки, признающие наличие частной собственности на землю, считают, что мулькадарство само собою подтверждало существование частной земельной помещичьей собственности, то придерживавшиеся противоположного взгляда исследователи были такого мнения, что суть мулькадарства в получении доли ренты, называемой мульком.

Один из первых последнюю точку зрения высказал И. Шопен, в дальнейшем ее разделяли С. Егиазаров, Колюбакин, Мусаэлян, Эсадзе, Линден, Д. Ананун, С. Маркосян и другие. По их мнению мусульманское земельное право находилось на более низкой ступени развития, а мулькадары и тиульдары являлись соучастниками дохода—ренты. Тем самым они отрицали личную зависимость крестьян, их прикрепление к земле.

Что касается другой точки зрения, то она базируется в основном на фундаментальный труд проф. И. П. Петрушевского⁴⁸. Исходная позиция проф. Петрушевского сформулирована следующим образом: «Все приведенные выше данные убеждают нас в том, что распространенное с легкой руки кавказоведов дореволюционной эпохи мнение, будто прикрепление крестьян к земле существовало только в Грузии, но не в ханствах Армении и Азербайджана, неверно»⁴⁹. Разногласия по этому вопросу он объясняет лишь тем, что существовавшие феодальные отношения не нашли себе достаточного оформления в мусульманском праве»⁵⁰.

Однако доводы проф. Петрушевского недостаточно убедительны, тем более, что у него имеются противоречивые высказывания. Так, он пишет: «В закавказских ханствах прикрепление крестьян к земле, точнее к хараджу и повинно-

⁴⁸ И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв., Л., 1949.

⁴⁹ Там же, стр. 263.

⁵⁰ Там же, стр. 262.

стям, следуемым с данной местности, существовало, или, по меньшей мере, феодальной властью делались настойчивые попытки добиться такого прикрепления»⁵¹. Как видно, проф. Петрушевский оговаривает, что крестьяне были прикреплены не к земле, а к хараджу и повинностям. А что означает это? Известно, что на Востоке фиксированной ренты не существовало, с крестьян взималась определенная часть урожая данного года. Следовательно, здесь не могло быть речи о прикреплении к хараджу, следуемому с данной местности, так как он не был постоянной величиной. И, наконец, где бы ни находились крестьяне, они должны были выплачивать харадж, так что в данном случае, выражение быть «прикрепленным к хараджу» не может быть подтверждением зависимости крестьян от феодалов. Далее, проф. Петрушевский пишет, что феодальная власть, а не отдельные феодалы, делала настойчивые попытки добиться прикрепления крестьян. Более того, он пишет, что «нам не приходилось встречать в документах прямых данных о прикреплении райятов в Азербайджане и Кавказской Армении к земле в период XVI—XVII вв.»⁵². Ради справедливости надо сказать, что подобных данных не имеется и в последующем, за исключением первой четверти XIX в., когда попытки закрепощения крестьян действительно имели место в перешедших к России ханствах.

Говоря о разновидностях мулька, проф. Петрушевский пишет, что мульк означал также «крупное или мелкое феодальное поместье», как безусловная поземельная собственность, не связанная обязанностью нести государственную службу. «Право владельца такого мулька распространялось на землю и угодья, находившиеся в пользовании отдельных крестьянских общин или сдававшиеся отдельным безземельным или малоземельным крестьянам (акеры, ярыкеры) на условиях издольной аренды: крестьяне обязаны были уплачивать владельцу ренту»⁵³.

Нельзя согласиться с определением мулька как феодального поместья, безусловной поземельной собственности. Известно, что мульк каждой общины состоял из шести равных долей (дангов). В источниках везде мы встречаем, что продавалось, покупалось, дарилось и т. д. какая-нибудь доля мулька—1/4, 1/2, 1, 2 и т. д. Притом, в одном и том же селеении встречались сразу несколько мулькадаров, иногда более

⁵¹ Там же, стр. 262.

⁵² Там же, стр. 252.

⁵³ И. П. Петрушевский, ук. соч., стр. 230—231.

десяти⁵⁴. В таком случае поземельная собственность не могла делиться на такие равные доли. Кроме того, трудно представить наличие в одном и том же селении такого множества помещиков. Приведенный И. Петрушевским пример⁵⁵ отнюдь не доказывает, что под мульком подразумевалось поместье. Известно, что при продаже мулька, т. е., на наш взгляд, своей доли части ренты, указывались границы данного селения. Если два и более мулькадаров одного селения продавали свой мульк разным лицам, указывались одни и те же границы. Но это означает, что они все могли владеть полностью всем селением. Ясно, что в подобных случаях речь шла о продаже доли ренты. Кроме того, передвижения населения в ханствах, имевшие место, в частности, в первой трети XIX столетия, неопровержимо указывают на то, что крестьяне пользовались правом свободного передвижения, что и являлось одной из причин, что частная собственность на землю в ханствах не внедрялась.

Подобного же взгляда придерживается проф. А. Есаян, по мнению которого мулькадарство было особой формой крепостничества на Востоке, но без прикрепления крестьянина к земле⁵⁶, а внеэкономическое принуждение он усматривал в сословном неравноправии крестьянства. Сословное неравноправие еще не означает наличия крепостного права, тем более, что он констатирует право свободного передвижения крестьян⁵⁷. В чем же в таком случае выражалась крепостная зависимость крестьян?

Проф. О. Туманян также характеризует взаимоотношения крестьян и мулькадаров как отношения помещиков и крепостных, одновременно признавая, что в Персии и подвластных ей территориях земля являлась государственной собственностью⁵⁸. Он считает, следуя И. П. Петрушевскому, что крестьяне были прикреплены к земле как налогоплательщики. Нужно отметить, что проф. Туманян не приводит ни одного довода и доказательства, подтверждающих свои обобщения.

Историк Б. М. Арутюнян признает, что в правовом отношении крепостничества не существовало, но крестьяне вынуждены были работать как крепостные ввиду насилия со стороны

⁵⁴ См. С. Погосян. Церковное землевладение в Ереванском ханстве в XVII—XVIII вв. «Труды Ереванского госуд. университета», т. XIII, Ереван, 1940, стр. 131 (на арм. яз.).

⁵⁵ И. П. Петрушевский, ук. соч., стр. 235.

⁵⁶ А. М. Есаян. Мулькадарское право в Армении, Ереван, 1948, стр. 64.

⁵⁷ А. М. Есаян, ук. соч., стр. 61.

⁵⁸ О. Е. Туманян. Экономическое развитие Армении, Ереван, 1960, стр. 252 (на арм. яз.).

власть имущих⁵⁹. На наш взгляд, нельзя путать две разные вещи—правовое и фактическое социальное положение крестьян. Он также считает мулькадаров землевладельцами-помещиками, так как признает деление земель на государственные (халисэ) и мулькадарские.

По мнению проф. В. Рштуни, социальные отношения в Восточной Армении были достаточно богаты элементами крепостничества, но крестьяне полностью не были прикреплены к земле, а помещик не имел полных прав на личность крестьянина⁶⁰. Отсюда видно, однако, что проф. Рштуни не сомневается, что существовало частное помещичье землевладение.

Этот вопрос затрагивает в своем труде также экономист проф. М. А. Адонц⁶¹. Он согласен, что в мусульманском мире в правовом отношении крепостничество не было оформлено, но крестьянство находилось в таком же бесправном положении, как в России и странах Западной Европы в эпоху феодализма⁶². Здесь хотелось бы отметить, что эпоха феодализма охватывает громадный отрезок времени, и крестьянство в разные периоды находилось в разном положении, при том каждая страна имела свои особенности. Подобное сравнение еще ничего не говорит. Проф. Адонц считает мулькадаров частными землевладельцами-помещиками. Но, по его мнению, крестьянство было прикреплено к земле не отдельных феодалов, а к территории ханства и уточняет, повторяя мысль И. П. Петрушевского, к определенным налогам и повинностям. Он говорит о наличии элементов крепостного права⁶³.

Х. Авдалбегиан пишет, что мулькадарство было твердой категорией феодального землевладения, а мулькадары—правомочными землевладельцами⁶⁴.

Обобщив точки зрения вышеупомянутых исследователей, мы можем прийти к следующим общим выводам. Все они исходили из того, что нельзя доверять мнениям и данным дореволюционных исследователей и царских чиновников, так как они преднамеренно искажали действительность. Созда-

⁵⁹ Б. М. Арутюнян. Крупное монастырское хозяйство в Армении в XVII—XVIII вв., Ереван, 1940, стр. 19—20.

⁶⁰ В. Рштуни. Очерки истории крестьянства Армении, ч. I, Ереван, 1960, стр. 38 (на арм. яз.); он же. Крестьянская реформа в Армении, Ереван, 1947, стр. 43.

⁶¹ М. А. Адонц. Экономическое развитие Восточной Армении в XIX в., Ереван, 1957.

⁶² Там же, стр. 58.

⁶³ Там же, стр. 63.

⁶⁴ Х. Авдалбегиан. Земельный вопрос в Восточной Армении (1801—1917), Ереван, 1957, стр. 103 (на арм. яз.).

ется впечатление, что отрицание существования крепостного права и помещичьего землевладения может привести к отрицанию наличия феодализма. Это — неоправданная боязнь, ибо особенности восточного феодализма отнюдь не означают отсутствие феодализма. Как мы видим, у них у всех наличие некоторая противоречивость. Это объясняется отсутствием материала, подтверждающего их точки зрения.

На совершенно иных позициях стоит проф. С. С. Маркосян⁶⁵. Он отрицает существование частного помещичьего землевладения и приходит к выводу, что «трудно представить наличие крепостничества в условиях отсутствия частного помещичьего землевладения»⁶⁶.

При исследовании поземельных отношений необходимо иметь в виду, что в Закавказье и Восточной Армении «ввиду возобновляющегося синтеза местной землевладельческой социальной структуры с отсталыми общественными структурами кочевых завоевателей, консервировались и возрождались примитивные формы зависимости»⁶⁷.

Восточным деспотиям был свойственен институт государственной собственности на землю. В этой связи К. Маркс писал: «... Бернье совершенно правильно разглядел, что в основе всех явлений Востока (он имеет в виду Турцию, Персию, Индостан) лежит отсутствие частной собственности на землю. Вот настоящий ключ даже к восточному небу...»⁶⁸ (курсив К. Маркса).

По этому же вопросу Ф. Энгельс говорил следующее: «... отсутствие земельной собственности действительно является ключом к пониманию всего Востока. В этом основа политической и религиозной истории»⁶⁹. Таким образом, Маркс и Энгельс в понимании закономерностей развития Востока и истории Востока особое место уделяли отсутствию частной земельной собственности и это явление считали ключом к объяснению особенностей развития Востока.

В дальнейшем в «Капитале» К. Маркс писал, касаясь вопроса отсутствия земельной собственности на Востоке: «Государство здесь верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, концентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует

⁶⁵ С. С. Маркосян. Аграрные отношения в Араратской стране, Ереван, 1959.

⁶⁶ Там же, стр. 227.

⁶⁷ А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Пути развития феодализма, М., 1972, стр. 7.

⁶⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о «Капитале», М., 1948, стр. 42.

⁶⁹ Там же, стр. 42.

как частное, так и общинное владение и пользование землей»⁷⁰. Отсюда вытекает, что все те явления, которые были связаны с частным держанием и частным пользованием, но не нарушали принципа государственной собственности на землю, не должны ввести нас в заблуждение. Не секрет, что в Армении члены общины могли отчуждать свою так называемую «вотчину» (хайрени), т. е. земли, принадлежавшие общине, но находившиеся в их держании. Однако это явление ничуть не вредило интересам государства, так как держание еще не было частной собственностью. Достаточно сказать, что накануне присоединения Восточной Армении к России в Ереванском ханстве 70% всех селений являлись государственными и лишь 16% — мульткадарскими⁷¹.

Лишь позднее, спустя годы после присоединения, царское правительство, с целью создания для себя твердой классовой базы, наделило бывших мусульманских ханов, беков и агаларов, частично армянских меликов правами крепостников. Против этих попыток правительства подняли голос протеста крестьяне армяне и мусульмане, доказывая, что этим актом попираются их исконные права и свободы.

В пользу отсутствия помещичьей собственности на землю и крепостничества говорят следующие факты. В 30-х годах XIX в. видные армянские общественные деятели Лазаревы с протестом обратились к царскому правительству против поведения покойного генерала В. Г. Мадатова, который держал в личной крепостной зависимости 1245 армянских и азербайджанских семей. Они подчеркивали, что и армяне, и азербайджанцы были свободны от крепостной зависимости и намекали, что их закрепощение чревато серьезными осложнениями для правительства⁷².

Небезынтересно отметить, что в составленных в армянских колониях Индии и России проектах создания союзного договора между Россией и Арменией указывалось, что армянское крестьянство никогда не находилось в «крепостном рабстве» и института крепостничества в Армении не существовало: «После восстановления нашего государства не должно быть княжеских крепостных (рабов), которых можно продавать в отдельности, а должно быть так, как было во времена наших царей, а также царей оттоманских и персидских, т. е. все должны быть слугами царя...»⁷³. Эта статья (ст. 15) показывает стремление деятелей армянского освободительного движения избежать крепостничества.

⁷⁰ К. Маркс. Капитал, т. 3, ч. 2, М., 1949, стр. 804.

⁷¹ Х. Авдалбеян, ук. соч., стр. 37.

⁷² Матенадаран, архив Лазаревых, папка 111, д. 36, док. 80.

⁷³ «Архив армянской истории», кн. 4, стр. 733—734 (на арм. яз.).

По этому же вопросу один из видных деятелей начала XX столетия Артемий Араратский Вагаршапатский писал: «Армяне были и есть всегда все свободные, и присвоят их некоторые (в Грузии) в крепость со всем неправильно, не имея на то ни каких документов, да и быть оных никогда не может. Турки никогда армяны не покупают, что строго у них запрещено...»⁷⁴

Этот вопрос затронут также в составленном в ноябре 1827 г. Лазарянами проекте о будущем статуте освобожденной из-под хано-персидского ига Восточной Армении. В этом документе говорилось о желательности ограничения крепостного права в Грузии. Выступая в роли противников «крепостного рабства», они обращали внимание русского правительства на тот вред и разрушения, которые причиняло Грузии крепостное право⁷⁵. Совершенно ясно, что умалчивая об Армении, они тем самым отрицали существование крепостничества в Армении.

Не менее красноречив другой факт. 19 и 27 марта 1809 г. к Эчмиадзинскому синоду обратились Габриэл юзбаши Гегамаци и его сын—юзбаши Барсег. Они просили синод дать им подтвердительную грамоту, что они княжеского происхождения, а находившиеся под их ведомством крестьяне—их крепостные. В это время оба они «со своим народом» находились в Грузии. Однако синод отказал им в этом, одновременно указывая, что «со времен армянского царства и до сего времени рабов, т. е. крепостных или же крепостного состояния не было среди нации армянской и нет ни в Персии, ни в Греции (Турции—В. Д.), ни во всей Европе, за исключением пределов Грузии...»⁷⁶.

Таковы факты. Других свидетельств, доказывающих обратное, в исторических документах этого периода не сохранились, что дает нам основание заключить, что крепостного права в Восточной Армении не существовало, крестьянство не было прикреплено к земле. Следовательно, мулькадары являлись соучастниками ренты, взыскиваемой ханскими сборщиками налогов. Первоначально мульк жаловался лишь за несение государственной службы, в дальнейшем же он стал наследственным.

Тиульдарство отличалось от мулькадарства тем, что тиулы жаловались пожизненно за отдельные заслуги. В отличие от мулька, тиул не продавался, не закладывался и не передавался по наследству. Исключение составляли армян-

⁷⁴ «Жизнь Артемия Араратского, уроженца селения Вагаршапат, близ горы Арарата...», ч. 1, СПб., 1813, стр. 55.

⁷⁵ Матенадаран, архив Лазаревых, папка 106, д. 51, док. 96.

⁷⁶ Матенадаран, архив католикоса, папка 21, док. 135е.

ские мелики Еревана (Мелик-Агамалыны), наследственно владеющие несколькими тиульными селениями в Крхбулагском магале. Рента-налог тиульных селений полностью передавалась владельцу тиула. Тиулами считались и селения, принадлежавшие Эчмиадзинскому монастырю⁷⁷.

Таким образом, в Восточной Армении существовала государственная собственность на землю, а мулькадары и тиульдары являлись соучастниками дохода; первые получали малую ренту (бахрече), вторые— всю ренту-налог тиульного селения.

3. Сельское хозяйство. Сельская община

В исследуемый период основной отраслью производства в Восточной Армении было сельское хозяйство. Как сельское, так и в основном городское население были заняты производством сельскохозяйственных продуктов.

Развитию сельского хозяйства мешали неустойчивое политическое положение страны, непрерывные войны, отсталые формы феодальной эксплуатации, примитивные орудия производства. Бичом для народонаселения были добровольные и вынужденные переселения в результате чего многие деревни опустели. Из III селений Ереванского ханства 359 были разрушены. Печальные картины разрушений мы находим в путевых заметках многих русских и европейских путешественников и дипломатов, посетивших Восточную Армению в первой трети XIX века⁷⁸. Достаточно сказать, что лишь во время первого похода русских войск на Ереван более десяти тысяч жителей было выведено из пределов одного только Ереванского ханства.

Наиболее развитым районом сельскохозяйственного производства была Араратская долина. Основными сельскохозяйственными культурами были пшеница, ячмень, рис, хлопок, табак, лен, кунжут и т. д. Было развито виноградарство и садоводство.

Среди технических культур наиболее важное место занимал хлопок. Он вывозился в соседние страны. Центром производства хлопка было Ереванское ханство, в частности,

⁷⁷ См. В. Дилоян. Эчмиадзинское монастырское хозяйство в начале XIX в., «Страницы истории и филологии армянского народа», Ереван, 1971, стр. 153—180 (на арм. яз.).

⁷⁸ Voyage en Perse, à la suite l'ambassade russe, en 1817, par M. de Kotzebue, Paris, 1819; Travels in Georgia, Persia, Armenia, Ancient Babylonia, etc. etc. During the Years 1817, 1818, 1819 and 1820, by Sir Robert Ker Porter, vol. I, London, 1821.

Зангибасарский, Карбибасарский, Гарнибасарский, Ведибасарский, Шарурский, Сурмалинский и Сардарапатский магалы. Хлопок был доходной статьей и все более или менее крупные крестьянские хозяйства занимались возделыванием хлопка. Так, например, в 1819 г. из 200 домов селения Вагаршапат 160 сеяли хлопок⁷⁹.

Возделывание технических культур, а также риса, фруктовых деревьев, виноградников способствовало развитию товарно-денежных отношений. Однако существовавшая ханская монополия на продажу хлопка и риса ущемляла интересы крестьян, мешала их заинтересованности в производстве этих ценных культур и тормозила развитие сельского хозяйства. Нарушители ханской монополии нещадно наказывались⁸⁰.

Наличие множества фруктовых садов и виноградников сделало Ереванское и Нахичеванское ханство основными поставщиками сухофруктов в сопредельные страны. В свою очередь, из соседнего Карсского пашалыка ввозили пшеницу, особенно в неурожайные годы.

В северных районах Армении основными сельскохозяйственными культурами были зерновые. В Карабахском ханстве сеяли пшеницу и ячмень, сажали тутовые деревья для получения шелка-сырца. Карабах известен был своими конными заводами. Карабахские кони пользовались большим спросом особенно в Персии⁸¹.

Наличие в стране множества татарских и курдских кочевых племен способствовало развитию скотоводства. Тем не менее, много скота и продуктов животноводства ввозилось из соседних Баязедского и Карсского пашалыков. Скотоводство обеспечивало ремесленников необходимым сырьем: шерстью, кожей, мехами и т. д.

Для развития сельского хозяйства большое значение имело искусственное орошение. Поэтому ханское правительство уделяло особенное внимание на строительство и восстановление каналов. Это было тем более важно, что ренту-налог получали по количеству урожая.

Воды делились на естественную и искусственную (народ называл «вынутая вода»). К числу естественных вод принадлежали реки, озера, ручьи, ручейки и т. д. «Вынутой» считались колодцы, каналы и т. п. В подобное деление вод вкладывался известный смысл в правовом отношении. Естественная вода считалась «божьим даром», следовательно, принадлежала всей общине или группе общин. «Вынутая»

⁷⁹ Матенадаран, архив католикоса, папка 37, док. 382.

⁸⁰ Там же, папка 45, док. 1426.

⁸¹ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 4, 1811, д. 233—239, л. 395 об.

же вода могла быть частной или групповой собственностью, так как на нее был затрачен труд и капитал. Однако «очередная вода принадлежала очередному хозяину»⁸². Право на воду было неукоснительным. Ввиду того, что водой пользовались все, то и все должны были принимать участие в проведении или восстановлении каналов. Для урегулирования водопользования назначались специальные чиновники-мирабы (букв. означает «князь воды»), а в селениях джувары (распределители воды) и караджувары (помощники джуваров). Все они получали свое жалованье от населения. Воровство «очередной воды» каралось строго. Нередки были кровавые столкновения на этой почве.

Сельская община в Армении существовала с древнейших времен. Землю распоряжалась община. Каждая сельская община составляла отдельную экономическую и административную единицу. Основным элементом общины был «дым». По численности своих членов «дым» делился на пять категорий: ампа (семья из 16 человек), три-пчех (12 человек), किसान (8 человек), пчех (4 человека) и полу-пчех (2 человека). Последняя категория служила также и уравнилительной единицей, в случае, если семьи состояли соответственно из 6, 10, 14 членов⁸³.

Община пользовалась известной самостоятельностью в вопросах землепользования, распределения налогов и повинностей среди своих членов. Каждая община имела свои суд и правление, состоящие из посредников, векилов (уполномоченных), ахсакалов (седобородых—стариков), дахбаши (десятников). Ими решались внутренние вопросы жизни общины.

Во главе общины стояли старшины, называемые по-разному—танутер, кевха, кетхуда, юзбаши,—в зависимости от местности. Их должность была выборная, но со временем выборы становились формальными, так как чаще всего эта должность оставалась в руках нескольких зажиточных крестьянских семей.

Основные вопросы жизни общины решались на сельских сходках дважды в год, на которых принимали участие все члены общины, но решающий голос принадлежал старикам. Вопросы должны были решаться единогласно⁸⁴, поэтому и рассмотрение особо спорных дел длилось месяцы.

⁸² «Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. I, стр. 137—138.

⁸³ «Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. I, стр. 20.

⁸⁴ С. А. Егиазаров. Исследование по истории учреждений в Закавказьи, ч. I, Казань, 1891, стр. 87—88.

Общинное землевладение особо было распространено в горных районах. В низменных же местах велико было число огороженных земель (приусадебных участков, виноградников и фруктовых садов), находившихся в личной собственности владельцев, пользовавшихся правом их отчуждения.

Члены общины, в виде отработочной ренты, принимали участие в строительстве дорог, крепостей, каналов и т. п.

Сельская община консервировала существовавшие отношения, в некоторой степени мешала расслоению, хотя экономически крепкие зажиточные семьи (ампа), фактически держали в своих руках всю общину и старались навязать выполнение повинностей более бедным членам.

4. Ремесленное производство и торговля

В экономической жизни Восточной Армении немаловажную роль играло ремесленное производство. Ремеслами в основном занималось городское население. Основными центрами ремесленного производства являлись Ереван, Нахичеван, Шуши, Вагаршапат, Ордубад. Подавляющее большинство ремесленников городов Грузии были армяне.

Существовало более ста видов ремесел, среди которых важными были: сапожное дело, гончарное дело, кожевенное дело, кузнечное дело, изготовление медных посуды, красильное дело, изготовление палаток для кочевников и т. д. Ремесленниками считались также торговцы, музыканты, парикмахеры и т. д.

Среди ремесел важное место занимало изготовление кож. В Ереване было 32 кожевенных мастерских, в Ордубаде—12, Нахичеване—1. В Карабахе упоминается одна⁸⁵. Все они сдавались в аренду. Для обработки кожи ввозились и из Баязетского пашалыка.

Красильщики были двух категорий—шилачи (ткани красили в красный цвет) и бояхчи (в синий цвет). Красильни также были откупной статьей. Было много маслодавильень, мельниц, дингов (для очистки риса)⁸⁶. Мануфактур не было, если не считать находившиеся в Ереване мастерские для изготовления стекла, пушек и пороха⁸⁷.

Несмотря на наличие богатых полезных ископаемых, горное дело не было развито. Исключение составляли Кульпинские, частично и Нахичеванские солерудники. Ханское

⁸⁵ Мокилевский и Ермолов. Описание Карабагской провинции, Тифлис, 1823, стр. 230.

⁸⁶ И. Шопен, ук. соч., стр. 861, 863—865.

⁸⁷ Т. Х. Аюбян. История Еревана (1801—1870), стр. 88—89.

правление особое внимание уделяло добыче соли, как одной из основных статей дохода. Добыча соли являлась монополией жителей селения Кульп. Кроме них никто не имел права заниматься добычей соли. Соль вывозилась в Турцию, Грузию и соседние ханства и приносила солидный доход казне.

После присоединения северных районов Армении к России, начиная с 1801 г., правительство стало уделять серьезное внимание развитию горного дела. Предметом особых забот стали Алавердские медные рудники и медеплавильное дело. Горным делом до 1805 г. руководил здесь член Берг-коллегии, один из лучших знатоков этого дела в России граф А. А. Мусин-Пушкин. Однако местные власти не сумели организовать сбыт меди, в результате чего в 1816 г. государственная эксплуатация медеплавильных заводов прекратилась и дело перешло в руки частных рудопромышленников.

Ремесленники были объединены в цеха (амкарства или эснафства). Членов амкарства объединяли экономические, религиозные, правовые, административно-судебные интересы и идея взаимопомощи⁸⁸. Особенность амкарств Армении заключалась в том, что их «положения» утверждались главой церкви—католикосом всех армян⁸⁹. Это обстоятельство свидетельствует, что некоторые функции государственной власти признавались за Эчмиадзином.

Во главе амкарств стояли уста-баши (старшина, глава мастеров), которым помогали ахсахкалы. Основными лицами в цеховой иерархии являлись мастер, подмастерье и ученик. Последние два эксплуатировались мастерами. Старшина и его помощник выбирались на общем собрании амкарства.

Необходимо указать, что существовала определенная категория ремесленников, являющихся наемными мастерами. Они за определенное жалованье обслуживали ханское хозяйство и монастырское крупное хозяйство Эчмиадзина. Наличие этой категории ремесленников, а также то обстоятельство, что оплачивались даже сельскохозяйственные работы в крупных хозяйствах, говорило о том, что наемный труд имел довольно заметное распространение в Восточной Армении,

⁸⁸ См. С. А. Егиазаров, ук. соч., ч. 2; А. фон Гакстгаузен. Закавказский край, СПб., 1857.

⁸⁹ Матенадаран, архив католикоса, папка 53, док. 8; там же, рукопись № 448.

хотя он не являлся единственным средством к существованию⁹⁰.

Амкарства являлись помехой на пути технического прогресса и появления новых форм организации производства, хотя при деспотическом режиме играли определенную роль в ограждении прав своих членов.

В первой трети XIX в. торговля в Восточной Армении носила довольно оживленный характер и свидетельствовала об определенном развитии товарно-денежных отношений. Важными центрами торговли являлись Ереван и Шуши, связанные с Тавризом, Тифлисом, Баку, Карсом, Эрзерумом и Баязетом. Находясь на перекрестке важных торговых путей, эти города были не только центрами транзитной торговли, но и сами вывозили продукты и изделия местного производства. Знаменательно, что в развитии торговли во многом способствовал Эчмиадзин, получавший товары разных стран через колониальную армянскую торговую буржуазию. Основными продуктами и изделиями вывоза служили шелк, сухофрукты, кожевенные изделия, растительное масло, хлопок, соль, кони и т. п.

О развитии товарно-денежных отношений свидетельствует тот факт, что в денежные и торговые операции были вовлечены ереванский сардар, ханы, Эчмиадзинский монастырь. Последний имел своих агентов во всех крупных городах Османской империи, Индии, Персии и России и выступал в роли посредника, в частности, между сардаром и своими векилами (агентами).

Несмотря на длительную русско-персидскую войну 1804—1813 гг., которая не могла, конечно, не сказаться отрицательно, на торговле между Персией и Россией, тем не менее, торговля продолжала осуществляться, т. к. обе воюющие стороны были заинтересованы в ней. Эта заинтересованность нашла отражение в Гюлистанском мирном договоре 1813 г., введшем пятипроцентный льготный таможенный тариф. В результате этого торговый оборот между двумя странами значительно увеличился. Так, например, если в 1815 г. он составлял 499532 рубля, то в 1828—1829 гг. уже составлял 1.867.700 рублей⁹¹.

⁹⁰ См. В. А. Дилоян. Эчмиадзинское монастырское хозяйство в начале XX в., «Страницы истории и филологии армянского народа», Ереван, 1971, стр. 137—180.

⁹¹ Г. Тер-Гукасов. Экономические интересы России в Персии, Петроград, 1915, стр. 35.

Но, если торговля между Россией и Персией происходила на основе льготного тарифа, то этого нельзя сказать о торговле с другими странами. Наличие внутренних таможен препятствовало развитию торговли с Турцией и т. д. Мешали торговле и ханская монополия на продажу хлопка и риса, отсутствие обеспеченности жизни и имущества купцов.

Купцы и торговцы также имели свои амкарства. Купечество делилось на четыре категории—совдакяры, бинахдары, базазы и чарчи. В основе этого деления лежала величина общего капитала. Совдакяры были крупными купцами, занимающимися оптовой торговлей. Бинахдары же занимались и оптовой, и розничной торговлей. Они имели свои магазины и торговыми интересами были связаны с данной местностью. Базазы имели магазины и продавали в основном ткани. Чарчи—странствующие мелкие торговцы (коробейники).

В торговле с Восточной Арменией и Персией деятельное участие принимали тифлиские мокалаки, в подавляющем большинстве своем армяне. Велико было их значение в политике централизации грузинских царей. Русское правительство также содействовало мокалакам, надеясь через них развить мануфактуры и торговлю⁹². Они принимали деятельное участие также и в откупе разных статей⁹³.

Армянский купеческий капитал играл первенствующую роль в Закавказье и своей деятельностью во многом способствовал развитию товарно-денежных отношений, несмотря на многочисленные преграды, воздвигнутые феодальной анархией и деспотией. Поэтому и армянская торговая буржуазия содействовала распространению власти России на все Закавказье, надеясь этим путем добиться лучших условий для своей деятельности.

5. Налоговая система

Ввиду феодальной раздробленности страны, налоговая система представляла довольно пеструю картину. В разных ханствах существовали различные налоги и повинности, отличающиеся не только названием, но и сущностью.

Налоги взыскивались деньгами и натурой. Денежные подати были достаточно устойчивы, а натуральные налоги зависели от урожая данного года и составляли 3/30, 7/30 и т. д. часть урожая. Натуральные подати в мульткадарских

⁹² АКАК, т. VI, ч. I, док. 12, 56, 100.

⁹³ Там же, док. 220, 222, 230.

селениях дробились на две части—на бахру, поступавшую в казну, и на бахрече или мульк, предоставляемую мулькадамам.

В исследуемый период в Ереванском ханстве несколько была изменена система взимания податей. Селения делились на три категории—бахракарские, ярыкарские и ранчбарские. Селения в свою очередь делились на биначе—единицы, состоявшие из нескольких дымов, согласно их зажиточности. В отдельных случаях, бедное селение еле составляло одно биначе, но были и селения, в которых имелись 50, 80 и более биначе. Иногда сардар уменьшал или увеличивал количество биначе⁹⁴.

Биначе, согласно принадлежности селений, были бахракарские или ярыкарские. Каждое бахракарское биначе платило 10 туманов и третью часть дохода от произведений земледелия. Ярыкарское биначе платило 3 тумана и половину урожая, т. к. орудия производства, землю, семена и т. д. получало от сардара⁹⁵. Всего биначей было 1093, а денежные поборы с них составляли около 8 тысяч туманов. Кроме того, было 490 биначей в Шарурском, Карбибасарском и Сардарабадском магалах, не плативших денежных податей.

Денежные подати платили также: а) армянское население г. Еревана—1724, 5 тумана, б) Эчмиадзинский монастырь—400 туманов как махту, хотя и указом Аббас-Мирзы был освобожден от нее, в) макинский хан—300 туманов, г) кочевые племена—8219,8 тумана⁹⁶. Кроме того, в день Новруз-байрама сардару, в знак уважения и верности, преподносили подарки (пешкеш), ежегодная сумма которых составляла 1320,6 тумана⁹⁷. Солидный доход приносили взятки (рушфат), которые были фактически узаконены.

Армяне платили деньгами за виноградники, а мусульмане были освобождены от этой подати, якобы ввиду того, что армяне делали вино из винограда, а мусульмане нет, т. к. Коран запрещал им это. От этого налога освобождались лишь принадлежащие Эчмиадзину селения Вагаршапат и Ошакан⁹⁸.

Жалование ханских чиновников—мирболоков (не всегда), мирабов, сборщиков налогов—платило население⁹⁹.

При последнем сардаре ереванском Гуссейн-Кули хане была широко распространена практика откупа. В откуп давались Кульпинские солерудники, взимание рахдара (таможенного сбора), должность даруги (полицеймейстера), мастерские бояхчи и т. д.

Денежные подати и палогн взимались в два срока, осенью, после уборки урожая, и в феврале. Их собирали сельские старшины, платили в казну и от казначея получали бераты (расписки). Эти последние вручались мирболокам, которые представляли в казну и получали общий берет на весь магал.

Размер натуральных податей зависел не только от урожая, но и от принадлежности селения к какой-либо категории. Бахракарские селения платили треть земных произведений, ярыкарские—половину, а ранчпарские 2/3. Однако селений последней категории было всего шесть. В некоторых случаях сардар за определенную плату присваивал право взимания всех налогов богатых мулькадарских селений¹⁰⁰.

Существовала также повинность, называемая паракар. Селениям, располагавшим лучшими землями и обеспеченным водой, сардар давал семена, а после уборки урожая брал зерно—в пятикратном, рис—в семикратном размере и 60 батманов очищенного хлопка¹⁰¹.

Кочевые племена за сто голов овец давали овцу и ягнечка, либо же за 100000 голов овец—500 туманов. Они обязаны были также пасти скот сардара на условии дешпедеша и амани. В первом случае при первом же требовании сардара обязаны были вернуть весь скот и вдобавок за каждую овцу полбатмана масла и стил шерсти, а ягнята оставались пасуцим. Во втором случае весь прирост и шерсть, плюс 7,5 стил масла возвращались сардару¹⁰².

Для взимания натуральных податей назначались магальные и сардарские саркяры, которых содержало население.

Таковой была в общих чертах податная система в Ереванском ханстве в последние годы ханского правления.

Что касается Нахичеванского ханства, то, ввиду того, что оно непосредственно подчинялось наместнику Азербайджана, там существовала принятая в Персии податная система. В отличие от хана Ереванского, освобожденного от вассальных платежей, ввиду исключительной важности ханства в военно-стратегическом отношении, Нахичеванский

⁹⁴ ЦГИА СССР, ф. 1377, оп. 1, д. 19, л. 15 об.

⁹⁵ Там же, л. 10 об.

⁹⁶ И. Шопен, ук. соч., стр. 968—969.

⁹⁷ Там же, стр. 975.

⁹⁸ ЦГИА СССР, ф. 1377, оп. 1, д. 19, л. 19 об.

⁹⁹ И. Шопен, ук. соч., стр. 979—980.

¹⁰⁰ И. Шопен, ук. соч., стр. 988—989.

¹⁰¹ В. Рштуни. Крестьянская реформа в Армении, Ереван, 1947, стр. 47.

¹⁰² ЦГИА СССР, ф. 1377, оп. 1, д. 19, лл. 21 об—26 об.

хан платил Аббас-Мирзе более 30 тыс. туманов деньгами и 2500 халваров зерна.

В Нахичеванском ханстве прямые налоги взимались как с дымов, так и с душ, а также с армянских церквей. Холостые с 15 лет платили баш-пули (подушную подать), семьи платили эпули (подынную подать), притом армяне платили в два раза больше, чем мусульмане. Каждая армянская церковь платила 4 тумана; в остальном налоги и подати были аналогичны с налогами и податями Ереванского ханства.

В Карабахском ханстве налоги и подати, взимаемые с оседлого населения и кочевников, были разными. Оседлое население платило малуджахат в размере 1/5 всех земных произведений, мирза-яны, куллухи, тагвилани и даргалыг, взимаемые для содержания ханских чиновников, слуг и войска. Взималась особая денежная подать в общем размере 8 тыс. червонцев, каковую сумму хан платил русскому правительству за вассальную зависимость. Крестьяне платили также байрамлыг и т. д. Кочевники платили сальяне (с зерновых), кирхана-харджи (масло, шерсть, ягнят), а также бахру за право сеять¹⁰³.

Иное положение существовало в северных районах Армении. В Картлийском и Кахетинском царстве население делилось на четыре сословия—князей, дворян, духовенство и крестьян. Податное сословие—крестьянство—в свою очередь делилось на несколько категорий—царские крестьяне, помещицы, церковные и тарханы (свободные). Эти последние освобождались от платежа налогов и податей. Первоначально тарханство жаловалось за особые военные заслуги, а в последующем за подарки и другого рода услуги. Однако число тарханов было незначительным¹⁰⁴.

В Грузии и в входившей в ее состав Северной Армении взимались следующие подати: сурсат, для обеспечения войска хлебом (каждый дым платил три кода зерна), галла с царских крестьян в размере 1/7 или 1/10 урожая зерновых, махта (денежная подать), платили горожане—мокалаки и царские крестьяне (татарские же султанства махту платили зерном)¹⁰⁵. Помещицы крестьяне платили денежную и натуральную ренту, выполняя барщину.

Для крестьян армянских районов самой тяжелой повин-

¹⁰³ См. Могилевский и Ермолов. Описание Карабагской провинции, Тифлис, 1823.

¹⁰⁴ «Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. II, стр. 5—6.

¹⁰⁵ Там же, стр. 7—8.

ностью была обязанность предоставлять наряды для работы на рудниках. Они несли также караульную службу¹⁰⁶.

После присоединения Грузии к России изменений в податную систему на первое время не было внесено.

В ханствах, находившихся все еще под хано-персидским игом, положение народных масс было невыносимо тяжелым. Современный армянский видный писатель и просветитель М. Тагиадян, описывая положение жителей известного плодородием своих земель селения Агбаш, пишет, что при других условиях жители Агбаша были бы зажиточными и сытыми, однако жадность и насилие ереванского хана довели их до грани нищеты, вынуждали продавать все имущество, попасть в кабалу к ростовщикам. А ростовщические проценты были столь высокими, что даже Эчмиадзинский монастырь не мог избавиться от долгов. Наиболее многочисленный эксплуатируемый класс страны—крестьянство—находился в самом тяжелом экономическом положении, почему и искал путей для своего избавления хотя бы от насилия деспотического режима.

6. Национальный гнет и гонения

В последние годы хано-персидского правления положение армянских народных масс стало более тяжелым. К жестокому социальному и экономическому гнету присовокуплялись национальные и религиозные гонения, как ответ на освободительные устремления армянского народа. По свидетельству Х. Абовяна, ханы и их чиновники поступали с народом как им вздумается, не было ни правосудия, ни жалости. Они похищали молоденьких девушек и юношей, заставляли изменить веру, держали их в гаремах. Даже католикосат всех армян и Эчмиадзинский монастырь, находившиеся якобы под особым покровительством Аббас-Мирзы, подвергались глумлению и невероятным гонениям.

Посещение сардаром или другим чиновником какого-либо селения было чревато самыми тяжелыми последствиями, т. к. никто не был уверен в своей безопасности¹⁰⁷. М. Тагиадян пишет, что Гуссейн-Кули хан сардар «избиением умножал свое золото, страданиями невинных и их кровью утолял свою жажду; всю страну доводя до нищеты, он потом воздвигал свои замки в Казбине и увеличивал свое богатство»¹⁰⁸.

¹⁰⁶ ЦГИА Груз. ССР, ф. 16, д. 4150, л. 121.

¹⁰⁷ М. Нерсисян. Декабристы в Армении, стр. 377—378 (на арм. яз.).

¹⁰⁸ М. Тагиадян. Путешествие в Армению, Калькутта, 1847, стр. 227 (на арм. яз.).

В документах сохранились характерные свидетельства о жестоком деспотическом режиме сардара. Правда, они в основном касаются Эчмиадзина, армянского духовенства, но дают общее представление о царившем в стране адском беспорядке. В диссертации приводится много характерных примеров, свидетельствующих о нетерпимости положения народных масс.

Особо жестоко было отношение к армянам во время так называемого «калабандылыга» (осаде крепости). Следуя тактике выжженной земли, все население выселялось самыми варварскими методами. Душераздирающую картину описания «калабандылыга» мы находим у Х. Абовяна в его знаменитом романе «Раны Армении»¹⁰⁹.

Подчас продавали детей, если родители не в состоянии были платить налоги¹¹⁰.

Ясно, что в подобных условиях, когда чужеземный деспотизм безжалостно угнетал все слои и сословия армянского народа, этот последний должен был искать выход из тупика, грозившего самому существованию народа. А внешнеполитические события сами диктовали, что утвердившееся в Грузии и некоторых частях Армении русское оружие и есть та сила, которая сможет принести избавление от деспотического гнета. Логическое развитие событий приближало час освобождения Армении.

* * *

Исследование истории социально-экономического положения Восточной Армении в первой трети XIX в. во многом объясняет суть армянского национально-освободительного движения. Данное нами выше изложение показало, что первым и злостным бичом на пути развития страны были феодальная раздробленность страны, с присущей ей междоусобицами и частными войнами. К этому прибавлялись жестокий налоговый гнет, чрезмерная эксплуатация трудящихся масс, глумление над их национальным достоинством, попираание элементарных человеческих прав, угроза физического уничтожения в результате частных переселений населения во время военных действий, неудержимый рост численности кочевых племен, переселяемых в Восточную Армению и тем самым — изменение национального состава страны. Все эти явления ставили армянский народ перед альтернативой: либо исчезнуть без борьбы, либо бороться за воссоединение родины и ее освобождение от чужеземного гроя-

¹⁰⁹ Х. Абовян. ПСС, т. 3, стр. 84—85 (на арм. яз.).

¹¹⁰ Матенадаран, архив католикоса, папка 22а, док. 41.

щего самому его существованию ига. Именно с этой точки зрения во втором разделе исследования рассматривается армянская освободительная мысль в аспекте армяно-русских отношений.

РАЗДЕЛ II

АРМЯНО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ И АРМЯНСКАЯ ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ МЫСЛЬ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

1. Присоединение Грузии к России и поворот в закавказской политике царского правительства

Акт присоединения Грузии к России имеет непосредственное отношение к вопросу армянского национально-освободительного движения не только в том смысле, что в Грузии имелось значительное армянское население, заинтересованное в своем будущем, но и в том, что в течение веков судьбы грузинского и армянского народов были тесно переплетены. Мы уже говорили о том, что в частности в XVIII в. освободительные чаяния двух соседних народов имели общее русло, освобождение одного было обусловлено освобождением другого. Именно поэтому Россия выдвигала проект создания единого христианского государства в Закавказье.

Во всемирной истории XIX столетие началось событиями эпохального значения. Бурное развитие капиталистического способа производства привело к столкновению интересов Англии и ставшей на путь завоеваний наполеоновской Франции. Их соперничество приняло такие широкие масштабы, что втянуло в свое русло остальные крупные европейские державы.

Одним из главных звеньев борьбы великих держав стал Ближний и Средний Восток. Англия, Франция, Россия имели свои особые интересы в этом регионе мира.

Царская Россия, заинтересованная в восточной торговле, стремилась к южным морям, к усилению своего экономического и политического влияния на Востоке.

Однако на Ближнем и Среднем Востоке вакуума не было; здесь господствовали две восточные деспотические монархии. Персия, пережившая долголетние внутренние усобицы, в конце XVIII в. вновь сумела восстановить централизованную власть и старалась привести к подчинению окраинные полунезависимые ханства. Потерявшая же свою былую военную мощь Оттоманская империя все еще была

достаточно сильна, чтобы оказать сопротивление возможным врагам.

Естественно, что в подобных условиях соперничавшие между собой европейские великие державы стремились распространить свое влияние на эти восточные монархии и использовать их в своей политической игре. Следовательно, возникший еще в предыдущий период «Восточный вопрос» занимал ведущее место в борьбе соперничавших держав. Обусловленный упадком военной мощи Османской империи и национально-освободительным движением поработанных народов, он стал одной из центральных проблем международной дипломатической и политической борьбы.

Какова была позиция царской России в этом вопросе, какие преследовала она цели и какими располагала рычагами для успешного претворения в жизнь своих внешнеполитических планов?

Начиная со второй половины XVII в. Россия прилагала гигантские усилия для выхода к Балтийскому, Черному и Азовскому морям. Цель была ясна—вывести страну из изоляции, обосноваться на важнейших торговых артериях и обеспечить экономический и политический прогресс страны.

Несомненно, этот важный политический курс должен был вызвать противодействие со стороны заинтересованных государств. В частности, Россия должна была преодолеть сопротивление Османской империи и Персии. Если в отношениях с последней акцентировалось внимание на решение спорных проблем в основном дипломатическим путем, то для решения спора с Турцией потребовалась длительная вооруженная борьба.

В обоих случаях, для достижения успеха, Россия нуждалась в серьезной опоре. Такой опорой для нее явились борющиеся за свое освобождение балканские и закавказские народы. Получилось так, что военно-стратегические и политико-торговые цели России и освободительные чаяния вступивших на путь национально-освободительной борьбы поработанных народов совпали, дополняя друг друга и стали мощным оружием в руках России для распространения своего влияния на Востоке.

В частности, говоря о закавказской политике России—одном из важных компонентов ее восточной политики—первым делом мы должны уяснить ее суть. По замыслу русских государственных деятелей XVIII в., создание в Закавказье находящегося под протекторатом России армянского государства и усиление Грузии, либо их объединение, способствовало бы созданию прочного барьера между Персией и Турцией—с одной, и Россией—с другой стороны.

Мощью и обширностью этого буферного государства обусловлено бы было дальнейшее распространение влияния России на Востоке. Однако этому проекту не суждено было осуществиться.

Положение вещей резко изменилось в связи с выводом русских войск из Закавказья после кончины Екатерины II и воцарения Павла I. Обманулись надежды искавших освобождения закавказских народов¹¹¹. Усиление центральной шахской власти в Персии и явная угроза нашествия на Грузию, усилившиеся в грузинской царской династии усобицы после смерти Ираклия II заставили Георгия XII, ради спасения страны от новой катастрофы, тайно ходатайствовать о присоединении Грузии к России.

В этих условиях последовал манифест Павла I от 18 января 1801 г. о присоединении Грузии к России. Народные массы с радостью приняли эту весть¹¹², хотя некоторых феодальных кругов были недовольны ликвидацией царства и вступили против акта присоединения.

Однако главное здесь то, что произошел переворот в закавказской политике царизма в том смысле, что он отказывался от прежнего политического курса создания буферных государств и вступал на путь территориальной экспансии, однако пока не военными, а мирными средствами. Генералу К. Ф. Кноррингу поручалось добровольным «соглашением» приобрести Армению¹¹³.

Однако инструкция, данная К. Ф. Кноррингу показывает, что Павел I и его сановники ясно не представляли себе политической ситуации в Закавказье. Политический курс мирных «приобретений» не привлекал во внимание внешнеполитические устремления Персии и Турции, отношение заинтересованных держав к успехам России за Кавказским хребтом, на подступах к Индии.

Вскоре положение изменилось вновь. Воцарение на престоле Александра I и мероприятия его правительства, на наш взгляд, еще больше подчеркнули разрыв, образовавшийся во внешнеполитическом курсе России до и после царствования Павла I. Присоединение Грузии к России считалось не только «противным интересам России», но и принимались во внимание цели и намерения в частности правительства Екатерины II,—как показал ход обсуждения данного вопроса

¹¹¹ Е. Хубов. Описание достопамятных происшествий в Армении, СПб., 1811, стр. 9—10.

¹¹² «АКАК», т. I, док. № 528; «Присоединение Восточной Армении к России», т. I, док. № 16.

¹¹³ АКАК, т. I, док. 522.

в Государственном совете¹¹⁴. При этом, безусловно, принималось во внимание международное положение.

Вопрос о Грузии обсуждался в Государственном совете 11 и 15 апреля, 3 июня и 8 августа. Ход обсуждения показал наличие двух тенденций в политике в отношении Грузии. Если молодой царь и приближенные ему лица (А. Р. Воронцов, В. П. Кочубей и др.) считали присоединение Грузии актом нецелесообразным, по выше приведенным мотивам, то остальные члены Государственного совета придерживались обратной точки зрения. Особый интерес представляет заседание 8 августа, когда была прочитана докладная записка А. Р. Воронцова и В. П. Кочубея и с пространной речью выступил В. П. Кочубей, возражая против акта присоединения.

На заседании 8-го августа Государственный совет рассмотрел докладную записку командированного в Грузию К. Ф. Кнорринга, в которой последний, исходя из того, что внутреннее положение Грузии, критическое ввиду усобиц между царевичами Давидом и Юлоном, претендовавших на престол, внешнее неустойчивое положение, ввиду угрозы со стороны Персии и частых набегов горцев, и имея ввиду умонастроение народных масс, считал, что желательно присоединить Грузию к России. В большинстве своем Государственный совет решил, что Грузию можно спасти лишь путем присоединения. Считалось также, что этот акт выгоден России с точки зрения охраны ее пределов от нападков горцев и притязаний Турции¹¹⁵. Хотя и Государственный совет решил присоединить Грузию, тем не менее два видных его члена и приближенных нового царя—А. Р. Воронцов и В. П. Кочубей—остались при своем мнении.

На наш взгляд особый интерес представляет то место выступления В. П. Кочубея, где он остановился на политической системе Екатерины II. Акцентируя внимание на то, что Екатерина II никогда не имела намерения присоединить Грузию к своему скипетру, он продолжал, что ее виды заключались только в установлении протектората и тем самым своего политического влияния в этом крае¹¹⁶. Ход обсуждения явствует, что Александр I и его советники старались вести закавказскую политику по прежнему руслу. Тем не менее, своим решением Госсовет высказался в пользу присоединения.

¹¹⁴ См. ЦГИА СССР, ф. 1409, оп. 1, д. 1934 (Протоколы заседаний Государственного совета), а также З. Авалов. Присоединение Грузии к России, СПб., 1901.

¹¹⁵ ЦГИА СССР, ф. 1409, д. 1934, лл. 13—16.

¹¹⁶ Там же, л. 20.

Только после этого последовал манифест от 12 сентября 1801 г., вновь провозгласивший присоединение Грузии к России. Это уже было переломом в политике царизма. Отказавшись от прежней политики создания буферных государств в Закавказье, царизм перешел к его подчинению своему господству, хотя и на первое время поручалось, как и при Павле I, выполнить эту задачу мирным путем, путем привлечения ханов Еревана, Гянджи, Шеки, Баку и др. под подчинение России¹¹⁷.

Интерес представляет политика России в отношении армян. В инструкции, данной К. Ф. Кноррингу, говорилось: «К особенному же наблюдению вашему представляем привлечь к себе нацию армянскую всякими обласканиями. Способ сей по многочисленности сего племени в сопредельностях Грузии есть один из надежнейших к приумножению силы народной и вместе к утверждению вообще на поверхности христиан. На сей конец соизволяем, чтобы вы, оказывая ваше, по возможности, покровительство Араратскому патриаршему монастырю Эчмиадзину, содержали с главой церкви оной приятные сношения»¹¹⁸.

Это было продолжением традиционной политики царского правительства и давало возможность распространить свое влияние на все Закавказье. Но инструкция не лишена была противоречивости. Политика «утверждения на поверхности христиан» не согласовывалась с политикой привлечения ханов на свою сторону. Наоборот, как показали последующие события, подобная политика привела к тому, что долгое время ханы сохранили свои порядки и продолжали политику нескрываемого угнетения христиан, т. е. армян.

Положение Грузии, лишенной естественных укреплённых границ, и нежелание многих ханов «искать покровительства» России, привели к тому, что тот же Александр I, не желавший присоединить Грузию, двумя годами позже поручил новому главноуправляющему в Грузии ген. П. Д. Цицианову всячески распространить границы до естественного рубежа, образуемого реками Арпачай—Аракс—Кура¹¹⁹. С этого времени окончательно определилась новая закавказская политика России.

Присоединение Грузии показало, что, исходя из создавшихся исторических условий, царская Россия меняет свой

¹¹⁷ ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, 1801 г., д. 1, л. 8 об.

¹¹⁸ ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, 1801 г., д. 1, л. 9 об.

¹¹⁹ «Присоединение Восточной Армении к России», сб. док., т. I, док. № 145.

политический курс, отказавшись от политики «барьера». В этом решающее значение имели развернувшиеся в Грузии в последние годы XVIII столетия события, показавшие неспособность феодального грузинского царства играть ту важную политическую роль, которая предназначалась ей Россией, стать основным опорным пунктом России в политике на Среднем Востоке. Остались также несбывшимися те надежды, которые возлагали на Грузию деятели армянского освободительного движения.

Падение грузинского царства и новый политический курс царского правительства поставили армянских деятелей перед новой ситуацией. Они стали сознавать, что вряд ли можно будет надеяться на восстановление национальной государственности, когда пред глазами был живой пример Грузии.

Тем не менее, русская ориентация армянского национально-освободительного движения осталась непоколебимой, т. к. единственно реальная надежда на спасение от мусульманского деспотического ига была на помощь России.

2. Борьба за Восточную Армению

Приобретя Грузию довольно легко и разработав новый политический курс, Россия более четверти века вынуждена была вести тяжелую борьбу его осуществления. Эта борьба была и дипломатической, и военной, и велась и на местном, и на международном масштабах.

Скорое подчинение закавказских ханств эгиде царизма стало актуальной задачей в свете тех событий, которые происходили в Грузии. Часть грузинской феодальной верхушки заняла открыто враждебную позицию в отношении царской России. Требуя, с одной стороны, от Александра I, чтобы им «дали царя»¹²⁰, с другой стороны они искали помощи у Персии и Турции, для восстановления прежнего положения вещей. Фетх-Али шах был готов воспользоваться создавшейся обстановкой и приступить к осуществлению замысла восстановления персидского господства над Грузией¹²¹. Нельзя было положиться также и на «лояльность» закавказских ханств.

Подобная сложная ситуация требовала от царского правительства решительных мер для восстановления порядка. Требовалась более гибкая политическая линия. Новый главнокомандующий и главноуправляющий Грузией кн. П. Д.

¹²⁰ АКАК, т. I, док. 495.

¹²¹ А. В. Фадеев, ук. соч., стр. 108.

Цицианов (с 1803 г.) сразу же приступил к решительным действиям. Однако именно здесь отчетливо проявилось неумение царских сановников вести политику, сообразную с условиями Востока. Особенно это проявилось в отношениях с Ереванским ханством. На это обстоятельство в нашей историографии до сих пор не обращалось должного внимания.

В самом начале 1804 г. было покорено Гянджинское ханство, хан которого, Джавад, придерживался открыто персидской ориентации. Это имело положительные последствия для охраны границ Грузии с Востока. В этом смысле не менее важное значение имели Ереванское и Карабахское ханства.

Особенно сложными были отношения с Ереванским ханством. С 1779 г. оно было в вассальном от Грузии зависимом состоянии. В самом начале же XIX в. это ханство сохраняло почти независимое положение, лавируя между Россией и Персией, стараясь использовать имевшиеся между этими государствами противоречия.

В диссертации мы подробно рассмотрели отношения между русскими кавказскими властями и Мамад ханом ереванским с 1801 г. по 1805 г., показали то несоответствие, которое существовало между его словами и делами, ибо на словах признавая себя вассалом России, на деле Мамад хан не упускал малейшей возможности действовать против нее. При этом он так умело вел свою политическую игру, что даже некоторые армянские деятели не сомневались в его искренности быть под властью России¹²². Один из английских военных и дипломатических агентов, долгие годы служивший на Востоке, Монтис, справедливо отмечает, что русские власти допускали частые ошибки в своих сношениях с персидскими ханами¹²³.

Одним из аспектов дипломатических интриг стал вопрос о престолонаследии Эчмиадзинского патриаршества. Хотя этот вопрос рассматривается в следующей главе, но здесь мы хотим кратко сказать, что развернувшаяся борьба между архиепископами Давидом и Даниилом за Эчмиадзинский престол была очень искусно использована ереванским ханом в своих корыстных целях. Получилось так, что хан этот вопрос сделал своего рода рычагом для осуществления своих замыслов.

Однако вопрос Ереванского ханства занимал столь важное место в политике русского правительства, что в скором времени была поставлена задача его покорения силой ору-

¹²² См. Е. Хубов. Описание достопамятных происшествий в Армении, СПб., 1811, стр. 9—10.

¹²³ W. Monteith. Kars and Erzeroom..., p. 36—37.

жия. Так был предпринят в конце мая 1804 г. первый поход русских войск на Ереван, чем и началась русско-персидская война 1804—1813 гг. Ареной военных действий стала территория Ереванского ханства, куда ворвалась персидская армия, возглавляемая самим Фетх-Али шахом и Аббас-мирзой.

При осаде Ереванской крепости генерал Цицианов допустил те же ошибки, что и до этого, во время долгих бесплодных переговоров с Мамад ханом, бесцельно тратя время, необходимое для взятия крепости атакой. Потому и наступившая на редкость холодная осень и нужда в продовольствии заставили Цицианова снять блокаду и вернуться в Грузию.

Отступление русских войск и провал первого похода на Ереван не означал, однако, что русское правительство отказывается от своих военно-стратегических планов в отношении этой части Восточной Армении. Военные действия, с целью претворения в жизнь этих планов, продолжались и в последующие годы. В мае 1805 г. командующий Караклисским отрядом русских войск генерал Несветаев ворвался с вверенными ему войсками в пределы Ереванского ханства, занял крепость Талин, селение Вагаршапат и Эчмиадзинский монастырь, после чего вернулся обратно¹²⁴.

В 1805 г. русское правительство добилось ряда крупных успехов в Закавказье. В 1805 г. к России перешло занимающее важное стратегическое положение на стыке Ереванского ханства, Карсского пашалыка и русских владений в Закавказье Шорагельское султанство¹²⁵. Это приобретение многое значило для России, ибо в случае войны на два фронта давало возможность мешать объединению турецких и персидских войск.

Крупным дипломатическим успехом России в том же 1805 г. явилось заключение Кюракчайского договора с Карабахским Ибрагим-Халил ханом, согласно которому последний принимал русское покровительство. Ханская власть во внешнеполитическом смысле сильно ограничивалась, хан лишался своего права верховного командования войсками ханства, но во внутренних вопросах пользовался полной самостоятельностью¹²⁶. С присоединением Карабахского ханства значительная часть Восточной Армении перешла под власть России. Присоединение Карабахского ханства усилило оборону Грузии.

¹²⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, 1805 г., д. 4259, ч. II, лл. 61—62.

¹²⁵ Там же, л. 34.

¹²⁶ АКАК, т. II, док. 1436.

Таким образом, основной ареной борьбы между Россией и Персией оставались Ереванское и Нахичеванское ханства. Персидское правительство хорошо сознавало, что в его военно-стратегических замыслах в отношении Закавказья главное значение приобретает Ереванское ханство и предприняло ряд мер в этом направлении. Ввиду ненадежности Мамад-хана, все еще не отказавшегося от полунезависимых устремлений и продолжавшего свои тайные интриги, Фетх-Али шах убрал его с этой должности и вместо него назначил людей, известных своей преданностью царствовавшей в Персии династии. Тем самым, борьба за эти важнейшие территории Восточной Армении вступала в новый этап развития.

Генерал Цицианов прекрасно сознавал это и решил, после взятия Баку, предпринять новый поход на Ереван. Однако его вероломное убийство под стенами Баку не дало ему возможность осуществить свое намерение.

Убийство Цицианова, а также начавшаяся по наущению Франции русско-турецкая война в том же 1806 г. вдохновили Аббас-Мирзу. Будучи уверенным, что малочисленный русский действующий корпус в Закавказье не сможет воевать на два фронта, Аббас-Мирза считал, что наступила долгожданная пора для восстановления исконных «прав» Персии на Закавказье. В 1806 г. он возобновил военные действия против России¹²⁷. Несмотря на столкновения между Персией и Турцией на границах Багдадского пашалыка, Аббас-Мирза и Эрзерумский сераскир Юсуф паша не преминули организовать в 1807 г. совместное выступление против малочисленного русского корпуса¹²⁸. Однако блестящая победа русских войск над турками в сражении на Арпачае расстроила планы Аббас-Мирзы. Угроза объединения турецких и персидских войск временно перестала быть реальностью.

В условиях войны с Турцией и Персией, новый главнокомандующий в Грузии И. В. Гудович попытался заключить мир с Персией и даже добиться совместного выступления против Турции. При этом он ставил условие, чтобы Персия уступила России Ереванское и Нахичеванское ханства, обещая ей взамен турецкие пашалыки Баязет, Карс и Эрзерум¹²⁹. Однако персидское правительство не обратило никакого внимания на эти обещания, т. е. его целью оставалось утверждение своего владычества над Закавказьем. К этому его подстрекала Франция, стремившаяся в это время к созданию тройственного союза Франции, Персии и Турции про-

¹²⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, 1806 г., д. 4259, ч. IV, лл. 103—105, 207—210.

¹²⁹ А. В. Фадеев, ук. соч., стр. 137.

тив России¹³⁰. Англия тоже выступала против интересов России, несмотря на союзнические с ней отношения.

Однако подобная политика двух европейских держав противоречила коренным интересам армянского народа, усматривавшего осуществление своих освободительных чаяний в освобождении из под отсталого феодального деспотического гнета Персии и Турции.

Неудача в установлении мира путем дипломатических переговоров заставила фельдмаршала Гудовича прибегнуть к решительным действиям. Осенью 1808 г. он предпринял второй поход на Ереван. Вторая попытка взятия Еревана также закончилась неудачей, т. к. Гудович допустил те же ошибки, что и в свое время Цицианов, т. е. хотел добиться сдачи крепости. Запоздавая атака 21 ноября 1808 г. не принесла успеха, после чего Гудович отступил.

Долголетняя русско-персидская война 1804—1813 гг., после успехов русских войск под Ленкоранью и Асландузом, завершилась заключением 12 октября 1813 г. Гюлистанского мира, согласно которому весь Северный Азербайджан, Дагестан, Карабах, Грузия и Шорагель де юре считались русскими владениями¹³¹. Однако до заключения договора был подписан так называемый «сепаратный акт», по которому персидской стороне давалась возможность обратиться к русскому императору с просьбой частичного пересмотра устанавливаемых границ. В последующем «сепаратный акт» стал предметом дипломатических осложнений.

Гюлистанским миром завершилась долгая война между двумя державами. Но он не смог быть устойчивым и служить действительной гарантией мира, т. к. война не принесла полного успеха в осуществлении военно-политических планов ни одной из воюющих сторон. Поэтому «вечный» Гюлистанский мир не мог удовлетворить ни России, ни тем более Персию. Персия, ставшая политическим орудием и фактической жертвой английской и французской дипломатии, не могла примириться с потерей части своих бывших закавказских владений. Россия же не добила выхода на естественный рубеж рек Арпачай—Аракс—Кура, от которого не могла отказаться. Поэтому и Гюлистанский мир стал фактически долгим перемирием, чреватый угрозой новой войны.

Что же касается значения Гюлистанского мира для армянского народа, то благодаря ему значительные армянские территории перешли к России. Гюлистанским миром завер-

¹³⁰ А. Soret. L'Europe et la révolution, VII, p. 53—54.

¹³¹ АКАК, т. V, док. 883.

шился первый этап присоединения восточноармянских земель к России. Армянское население этих территорий получило более прочные гарантии для создания и развития духовных и материальных ценностей.

«Сепаратный акт», которому заключавшие Гюлистанский мир русские дипломаты особого значения не придавали, в скором времени стал орудием в руках персидского правительства не только для требования частичного пересмотра границ, но и восстановления персидского владычества вплоть до реки Терек,—притязания, которые, естественно, не могли найти отклика у русского правительства. Притязания персидского правительства поддерживались английской дипломатией, заключившей в 1814 г. «Тегеранский договор», подчинивший Персию интересам английской политики.

Несмотря на уклончивую позицию русской дипломатии, старание избежать прямого ответа персидским дипломатическим эмиссарам, остается незыблемым факт, что русское правительство не желало отказаться от осуществления своих военно-политических намерений в отношении Ереванского и Нахичеванского ханств. Эта точка зрения ясно изложена в рапорте нового главноуправляющего Грузией ген. А. П. Ермолова, считавшего, что мир и доброе согласие с Персией вещь полезная, но первая же война должна дать границу по Араксу, во избежании будущих «неудобств»¹³².

Все это недвусмысленно показывает, что обе стороны деляли желание пересмотреть Гюлистанский мир, с той только разницей, что Персия стремилась по возможности скорее исправить границы в свою пользу, в то время как Россия решение задачи оставляла на будущее, пока что руководствуясь намерением сохранить мир и добрососедские отношения.

Снаряженное в 1817 г. посольство А. П. Ермолова в Персию преследовало цель урегулировать отношение с Персией по спорным пограничным вопросам и в этом смысле был важным этапом в русско-персидских отношениях после заключения Гюлистанского и Тегеранского договоров¹³³.

Однако переговоры, по сути, ни к чему не привели, т. к. стороны не желали пойти на взаимные уступки. Персидская сторона ставила условие, первым долгом, частичное восстановление довоенных границ, в частности, возвращения Талышинского и Карабахского ханств, для того, чтобы приступить к переговорам по другим вопросам, в то время как русская сторона требовала нейтралитета Персии в случае

¹³² АВВР, ф. «Гл. архив. 1—7», 1816 г., д. 1, папка 2, л. 15 об.

¹³³ Л. С. Семенов. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20—60-е годы XIX в., Л., 1963, стр. 51—52.

русско-турецкой войны. Тем самым переговоры зашли в тупик и, несмотря на то, что в 1819 г. была учреждена русская дипломатическая миссия в Тегеране и Аббас-Мирза был признан престолонаследником, отношения между двумя странами оставались напряженными. Дальнейшие переговоры по разграничению и другим территориальным вопросам успеха не имели, т. к. персидская сторона не проявляла реальной заинтересованности для урегулирования спорных вопросов. Некоторые успехи, достигнутые в турецко-персидской войне 1821—1823 гг. Аббас-Мирзой, толкали Каджаров на новую войну, которую надеялись на сей раз завершить успешно.

Надо отметить, что первое время ген. А. П. Ермолов также не избежал тех «заблуждений», которые свойственны были почти всем русским деятелям, служившим на Кавказе. Здесь речь идет о том, что он надеялся мирным путем присоединить Ереванское ханство к России, т. к. оно якобы «искало» русского покровительства. Эта уверенность во многом заставила его занять непримиримую позицию во время своих переговоров в Персии. В основе подобной «уверенности» Ермолова лежало то обстоятельство, что брат бывшего ереванского Мамад хана бежал в Грузию и, будучи щедрым подобно своему брату в обещаниях, уверил Ермолова, что пользуясь якобы большим влиянием в Ереване, поможет занять его «без единого выстрела»¹³⁴.

Правда, население Ереванского ханства свое избавление от невыносимого ханского гнета усматривало в покровительстве России, но это не означало, что брат Мамад хана ведет их за собой. Этот последний был одним из тех многочисленных авантюристов, которые хотели ловить рыбу в мутной воде и не брезгали ничем, чтобы поднять свой политический вес. Не случайно Персес Аштаракечи до конца упорно отказывался иметь с ним дело, т. к. не считал его человеком, могущим сыграть сколько-нибудь заметную политическую роль.

В середине 20-х годов XIX в., когда возникшая в связи с греческим восстанием политическая обстановка диктовала Англии необходимость отвлечь внимание России от Восточного вопроса, английская дипломатия, сдерживавшая до этого в своих же интересах воинственный порыв Каджаров, теперь сама стала толкать Персию в войне против России. В Персию открыто проповедовалась идея «священной войны» против «неверных» русских.

В этой накаленной обстановке, когда требовались решительные действия, наметилось расхождение во взглядах

центрального правительства и закавказских властей. В то время как ген. Ермолов требовал либо увеличения числа войск, либо же немедленной превентивной войны для пресечения агрессивных реваншистских замыслов Каджаров¹³⁵, центральное правительство предлагало даже пойти на некоторые территориальные уступки для сохранения мира, т. к. положение дел в Европе и Турции «требуют пристального внимания к себе»¹³⁶.

Однако война была неизбежна, так что посольство кн. А. С. Меншикова весной 1826 г. было шагом слишком запоздалым и ненужным, почему и не имело никакого успеха.

Посольство Меншикова завершило целый этап дипломатической бесплодной борьбы за Закавказье вообще, за Восточную Армению в частности. Дело решило оружие. Русско-персидская война 1826—1828 гг. наконец осуществила ту военно-политическую задачу, которую ставила перед собой царское правительство еще в начале века. Границы Российской империи достигли Аракса. Это завоевание России было подтверждено Туркманчайским мирным договором 10 февраля 1828 г.

Дипломатическая и вооруженная борьба России за Восточную Армению была продолжением нового политического курса царского правительства, осуществляемого после присоединения Грузии. На фоне этой борьбы можно более рельефно показать чаяния армянских освободительных кругов, стремившихся к восстановлению в каком-либо виде армянской государственности, желавших найти наилучшее решение задачи в совершенно новой политической обстановке. Именно эти важные вопросы рассматриваются в последующих главах.

3. Борьба между Давидом и Даниилом и два направления в армянском национально-освободительном движении в начале XIX в.

В своей дипломатической и вооруженной борьбе за Закавказье и Восточную Армению, Россия придавала очень важное значение католикосату всех армян, центром которого был находившийся в пределах Ереванского ханства Эчмиадзинский монастырь.

Маскируя свои политические мероприятия обещаниями утверждая «вообще на поверхности христиан» (и часто отклоняясь от него), считаясь с тем несомненным фактом,

¹³⁵ А. В. Фадеев, ук. соч., стр. 192.

¹³⁶ АКАК, т. VI, ч. 2, док. 593.

¹³⁴ АВПР, ф. «Гл. архив, 1—7», 1816 г., д. 1, папка 2, лл. 16—17.

что более ста лет Россия занимала ведущее место в освободительных планах армян, царское правительство стремилось превратить Эчмиадзин в важный опорный пункт в своей борьбе за Закавказье. Скоро представилась хорошая возможность для вмешательства в дела армянской церкви и еще большего усиления своего влияния.

В конце декабря 1799 г. скончался католикос Гукас Карнеци и встал вопрос об избрании нового католикоса. Борьба за престол между различными кандидатами, отношение Эчмиадзинского духовенства и светских престоителлей «араратских армян» к этим кандидатам, взгляды этих кандидатов на злобу дня—вопрос освобождения Армении и ее будущего статуса—проливают свет и наглядно показывают какие существовали направления в армянском освободительном движении. Выбор нового католикоса и развернувшаяся дальнейшая борьба за патриарший престол вырисовывают перед нами сложную политическую ситуацию, в которой находился армянский народ; перед нами встают деятели, общественные силы, стоявшие за ними и направлявшие их действия.

Весь вопрос в том, что историки, исследовавшие историю так называемой «борьбы Давида и Даниила» (Н. Дубровин, А. Ерицян, Е. Гегамян, Лео, Г. Аганян, и остальные, в том числе и ряд советских армянских историков), усматривали в ней борьбу двух ориентаций у армян—персидской и русской, считали, что эта борьба была результатом вмешательства в дела армянской церкви России, выдвигали на первый план честолюбивые стремления вышеназванных двух архиепископов и т. д., и т. п.

Однако, на наш взгляд, внимательное исследование сути вопроса показывает, что мы имеем дело с качественно совершенно другим явлением, в основе которого лежала озабоченность о будущем Армении и армянского народа.

Известно, что во второй половине XVIII столетия в армянских освободительных кругах был разработан и представлен на рассмотрение русского правительства так называемый проект «союзнического договора между двумя нациями—русской и армянской». Ввиду того, что сохранились два варианта этого проекта, в одном из которых говорится о создании в Армении буржуазной парламентарной республики, а в другой—монархии, в историографии утвердилось мнение, что в армянском освободительном движении второй половины XVIII в. существовало два течения—буржуазно-демократическое и клерикально-феодалное. Однако еще в 1966 г. мы старались обосновать тезис, высказанный

еще в 1958 г. А. Ш. Мнацаканяном¹³⁷, что в армянском освободительном движении не существовало двух противоборствующих тенденций, а наличие двух вариантов связано с контрпредложением царского правительства¹³⁸.

Дальнейшее исследование вопроса, в частности, в связи с борьбой Давида и Даниила, нас убедило в этом. Мы пришли к заключению, что в армянском освободительном движении существовали два направления—буржуазное и национально-консервативное, придерживавшиеся различных тактических линий. Сохранилось множество документов, подтверждающих наличие именно этих двух направлений, являвшихся результатом своеобразия исторических судеб армянского народа.

Существование этих двух направлений освободительного движения было продиктовано тем неоспоримым фактом, что армянский народ делился, в чисто территориальном отношении, на две части. Основная масса проживала на территории поработанного чужеземным игом отечества, другая же часть в многочисленных армянских колониях Европы и Азии. Отсюда и различные подходы к вопросу освобождения Армении, продиктованные самими условиями жизни «двух частей» народа.

На этот вопрос проливает свет письмо католикоса Гукаса Карнеци Ш. Шаамиряну¹³⁹, в ответ на его, к сожалению, не сохранившееся письмо. Разбор этого письма во многом помогает нам понять стремления двух направлений, их тактические исходные позиции. Гукас Карнеци пишет, в ответ на обвинение Шаамиряна, что католикос «не любит свободу», что если увидеть страдания народа под чужеземным игом, то надо быть глупцом, «чтобы не желать избавления от страданий». Свое нежелание и нежелание других деятелей, проживавших в отечестве, поднять восстание и сбросить иго завоевателей, католикос объяснял трудностью и грозившей опасностью этой затеи, ссылаясь на трагическое положение, в котором оказались карабахские армянские мелики, пытавшиеся добиться свободы и ведшие тайные переговоры с русским правительством. Отсутствие реальных предприятий со стороны русского правительства, разброшенность народа, раздробленность отечества заставляли католикоса придерживаться осторожной линии, дабы не ста-

¹³⁷ А. Ш. Мнацаканян. К вопросу об оценке составленных в XVIII в. двух проектов армяно-русского союзного договора. «Вестник Матенадарана», 1958, № 4 (на арм. яз.).

¹³⁸ В. А. Дилоян. Из истории общественно-политической деятельности Лазаревых, Ереван, 1966 (на арм. яз.).

¹³⁹ «Архив армянской истории», кн. I, стр. 17—19 (на арм. яз.).

вить под угрозу существование народа и армянской церкви. Проживая в самой стране, реально представляя существующее положение, представители национально-консервативного умонастроения не были, конечно, против освобождения родины. Но они приговаривали себя к роли пассивных созерцателей, в чем и, по сути дела, национально-консервативное и буржуазное умонастроения отмежевывались. Предположенная Шаамиряном идея поднять восстание не была самоцелью. Пассивное ожидание спасения от руки внешней державы могло бы раз навсегда похоронить желанную цель восстановления армянской государственности. Поэтому и все действовавшие ради восстановления армянской государственности деятели—и Израель Ори, и Иосиф Эмин, и Шаамир Шаамирян, и Иван Лазарев, и Иосиф Аргутинский—в осуществление этой идеи первенство отдали широкому повстанческому движению, а внешнюю помощь рассматривали как дополнительный важный компонент, который мог стать верной гарантией успеха. Таким образом, линия национальных консерваторов не способствовала воссозданию национального государства, хотя и не чуждалась идеи освобождения.

Более рельефно обе тенденции проявились на патриарших выборах, последовавших после смерти Гукаса Карпеци. На сей раз развернулась острая борьба за престол католикоса. Особенно старался в этом направлении епархиальный начальник обитающих в России армян архиепископ Иосиф Аргутинский. Подавляющее большинство исследователей истории этого периода подобное поведение Иосифа Аргутинского считают проявлением его чрезмерного властолюбия и тщеславия. Не отрицая этих черт характера И. Аргутинского, мы должны сказать, что он также был человеком, посвятившим себя полностью делу освобождения Армении. Он был рьяным сторонником идей Ш. Шаамиряна, считал, что широкое всенародное восстание является лучшим способом достижения цели—восстановления армянского государства, был сторонником парламентарной республики. Все это подсказывает, что престол католикоса всех армян он хотел использовать для предприятия решительных действий в деле освобождения Армении.

Необходимо отметить также, что международная ситуация в 1799 г. была достаточно благоприятной, чтобы рассчитывать на определенный успех в этом вопросе. По договору 1799 г. создались довольно добрососедские отношения между Россией и Османской империей. Сменивший на престоле Ага-Магомед хана Баба хан был занят подавлением оппозиционных выступлений и упрочением своих позиций,

Ереванское ханство, находившееся в вассальной зависимости от Грузии, старалось сохранить добрые отношения с Грузией. Сама Грузия же, в лице царя Георгия XII, вела переговоры о вхождении в состав Российской империи, так что Аргутинский мог надеяться на успех своих замыслов.

Ход выборов нового католикоса показал, что настроенные в национально-консервативном духе видные представители эчмиадзинского духовенства не хотят даже допускать мысль о возможности выбора И. Аргутинского, считая эту кандидатуру опасной как для Эчмиадзина, так и для всего армянского народа. Поэтому были выдвинуты кандидатуры двух архиепископов—Константинопольского армянского титулярного патриарха архиепископа Даниила и архиепископа Ефрема, находившегося в России в качестве представителя католикоса по сбору пожертвований в пользу Эчмиадзинского престола.

Обстоятельства могли бы сложиться иначе, если бы И. Аргутинский примирился с совершившимся фактом. Однако он не только не успокоился, но развернул слишком бурную деятельность для достижения желанной цели посредством русского правительства и грузинского царя. В конце концов, благодаря воздействию на Порту русским правительством, Аргутинский был избран католикосом. Таким образом, первое же деятельное вмешательство царского правительства в дела армянской церкви увенчалось успехом. Более того, оно получало возможность, наравне с турецким султаном и шахом персидским, утвердить царской грамотой избрание нового католикоса. В руках царского правительства оказался довольно сильный политический рычаг для проведения своих политических начертаний на Среднем и Ближнем Востоке.

Но события сложились по иному. На пути в Эчмиадзин 9 марта 1801 г. Аргутинский скончался в Тифлисе, после чего и развернулась борьба архиепископов Давида и Даниила. Казалось бы смерть Аргутинского должна была утихомирить страсти и Даниил должен был занять свое место как первый кандидат. Но смерть Аргутинского открыла новые возможности для тех, кто был сторонником активного вмешательства России в дело освобождения Армении. В этом деле не последнюю роль сыграл ученик Аргутинского—архимандрит Григорий Захарян, путивший в оборот ложное завещание, которым наследником Эчмиадзинского престола объявлялся архиепископ Давид Корганян, сторонник покойного Аргутинского¹⁴⁰. Противоречившее принципам выбора

¹⁴⁰ «Кавказская старина», 1873 г., стр. 173.

главы армянской церкви этот документ и положил начало великой смуте в армянской церкви.

Однако дело было не только в ложном завещании. Здесь рельефно отразилась борьба вышеназванных двух тенденций в армянском национально-освободительном движении. Сторонников буржуазного направления, стремившихся к воссозданию армянской государственности, пугало, что престол католикоса займет видный представитель национально-консервативного направления, известный также своими анти-русскими настроениями. Поэтому первые не остановились ни перед чем, чтобы возвести на престол своего человека.

С помощью грузинского царевича Давида Георгиевича и представителей русской администрации и войск в Грузии П. И. Коваленского и генерала И. П. Лазарева, Григорию, Захаряну и другим удалось склонить Мамад хана Ереванского в сторону Давида и рукоположить последнего католикосом всех армян (28 апреля 1801 г.), в то время как настоящий избранник архиепископ Даниил находился на пути в Эчмиадзин. Все старания представителей национально-консервативного направления во главе с меликом ереванских армян Абраамом Мелик-Агамалияном помешать этому незаконному акту, не имели успеха.

28-го же апреля 1801 г. Александр I дал указание русскому резиденту в Константинополе В. С. Тамаре добиться сохранения права русского правительства в утверждении в будущем армянских католикосов, так как этот акт важен с точки зрения существующего в Грузии положения. Не сомневаясь в подлинности «завещания» Аргутинского и ввиду того, что Даниил не «предан» должным образом к России, он предлагал добиться утверждения Давида, пользовавшегося поддержкой ереванского хана, искавшего покровительства России¹⁴¹.

Несмотря на сопротивление представителей ереванских армян, большинства Эчмиадзинского духовенства и амираев Константинополя, тем не менее, под нажимом России, Давид получил утвердительный фирман султана. Таким образом, русское правительство считало архиепископа Давида в этот период единственной личностью, соответствующей его политическим целям.

Однако против Давида выступили буржуазные круги армянских колоний в России в лице их видных представителей, крупных промышленников и торговцев Лазарянов. Будучи убежденными сторонниками русской ориентации армянского освободительного движения, они в данном случае руководствовались тем весомым мотивом, что незаконные

вмешательства в деле армянской церкви могут подорвать авторитет католикосата всех армян, почему и обратились к русскому правительству, прося пересмотреть свое решение и содействовать Даниилу как «избраннику нации».

Русское правительство пошло навстречу этой просьбе и 28-го сентября 1801 г. последовал новый рескрипт Александра I резиденту В. С. Тамаре, где отмечалось, что изменившаяся ситуация заставила его переменить свою позицию и сколь выгодным ни было для России избрание Давида, он предпочитает «во имя справедливости» не пренебрегать гласом народа и дать согласие на избрание Даниила¹⁴². В результате борьба за престол католикоса, следовательно борьба двух направлений еще больше обострилась, особенно после того, как сторонники Даниила его рукоположили католикосом в трех церквах Багреванда (в Баязедском пашалыке).

В этой борьбе произошло явление, часто встречающееся в исторических летописях. Если первоначально за Даниила стояли национально-консервативные элементы, опасавшиеся, что избрание католикосом лица, пользующегося покровительством России, может нанести ущерб армянским народным массам в Персии и Турции, а Давид являлся именно такой личностью, то после вышесказанных событий произошла перестановка сил. Национально-консервативные элементы постепенно перешли на сторону Давида, а Даниила, наоборот, стали поддерживать буржуазные круги. Для национально-консервативных элементов стало ясно, что при достижении Россией успеха в утверждении на сей раз Даниила, могут произойти новые осложнения для церкви и народа, почему и они, во главе с ереванским меликом Абраамом решительно перешли на сторону Давида, считая нежелательным активное вмешательство России в то время, когда Эчмиадзин все еще находился под мусульманским владычеством.

Подробный анализ переписки Давида с русскими властями показывает, что обвинение его в персидской ориентации необоснованно, что лишившись поддержки России, он все же считал, что только русская помощь может принести освобождение Армении¹⁴³. Однако, несмотря на все свои логически оправданные доводы, Давид уже не мог изменить хода событий, т. к. вопрос Эчмиадзинского католикосата перерос в предмет международной борьбы. Поддерживая Давида, персидская сторона желала использовать его в

¹⁴² АВПР, ф. «Армянские дела», 1802—1803 гг., д. 185, л. 19—19 об.

¹⁴³ См. «Архив армянской истории», кн. 6, док. 162, 175, 154 и т. д.

¹⁴¹ Н. Дубровин. История войны и владычества..., т. II, стр. 233.

своих интересах, а русское правительство стремилось усилить свое влияние через Даниила. Поэтому и все усилия русских властей были направлены на возведение на престол Даниила, а обращения Давида оставались гласом вопиющего в пустыне.

Анализ перечисленных документов нас укрепляет в мысли, что борьба за престол католикоса не была борьбой двух ориентаций, а лишь проявлением двух направлений в освободительном движении, преследующих цель освобождения Родины, но придерживающихся разных тактических линий. Национально-консервативное направление, будучи сторонником осторожных действий, находило сочувствие в самой стране, стонущей под игом двух восточных деспотий, и более ясно видело существующее положение вещей. И было не случайным, что буржуазное направление представляла армянская буржуазия колоний, вовлеченная в водоворот капиталистического развития.

Впечатление же о наличии двух ориентаций, как считалось до сих пор, русской и персидской, возникло лишь вследствие того обстоятельства, что борьба за патриарший престол стала объектом международной дипломатической борьбы, поскольку каждая из заинтересованных сторон стала покровительствовать одному из кандидатов; получилась картина, не соответствовавшая однако действительному положению вещей.

4. Армянские освободительные чаяния и Россия

Появление русских войск за Кавказом и присоединение Грузии к России, естественно, было радостным событием для борющегося за свое освобождение армянского народа. События первых лет XIX в. показали, что недалек желанный час освобождения Восточной Армении и поскольку армянские освободительные чаяния в основном базировались на помощь России, то каждый успех русского оружия находил горячий отклик у армянского народа.

Наряду с этим однако существовали и вопросы, которые не могли не волновать деятелей освободительного движения, в частности, вопрос о будущем статусе освобожденной Армении. Если во второй половине XVIII в. четко ставился вопрос восстановления армянской государственности, ставился даже вопрос о формах правления, то в начале следующего столетия уже не было ясного представления, особенно ввиду ликвидации грузинской государственности. Тем не менее, под выражениями «бывшей славы Армении», и т. д. подразумевалось приобретение самоуправления в пределах Российской империи.

Оставляя на будущее решение этой жизненно важной проблемы, армянские деятели в первую очередь стремились свергнуть ненавистное хано-персидское иго и создать условия для развития и прогресса народа.

В основе неопределенности представлений о будущем статусе Армении лежал ряд обстоятельств, вызванных раздробленностью страны, разбросанностью народа, разницей в его положении в различных странах, уровне развития и т. д.

В самой Восточной Армении основным и самым многочисленным классом было крестьянство, «терпящее от персидских варваров семикратно сильнее удары, чем удары египтян»¹⁴⁴. Под ярмом невыносимого ига они ожидали своего освобождения от России. После долгих лет рабства, они, наконец, стали свидетелями появления мощной христианской державы по соседству и изо дня в день ждали ее прихода. Борьба армянского крестьянства в этих условиях принимала разные формы, начиная от пассивного сопротивления (побеги и т. д.) до вооруженного содействия русским войскам.

В ханствах Восточной Армении почти не было армянского феодального класса. Было лишь несколько армянских родов, являвшихся фактически ханскими чиновниками. Он был столь малочисленным, что трудно говорить о существовании такого класса.

Сравнительно многочисленнее было духовенство. Оно во многом отличалось от своих собратьев в Европе и России. В армянской действительности и низшие, и высшие церковники выходили из лоно народа и подвергались почти таким же гонениям и гнету, как и простолюдины. Это обстоятельство толкало духовенство к принятию деятельного участия в освободительном движении и, будучи более или менее образованным классом, в какой-то степени направляло освободительные чаяния народа.

Противоречивым было положение духовенства. С одной стороны оно было призвано защищать интересы вверенной ему паствы, с другой стороны, показать верность государству, в котором находилось.

Положение было совсем другим в соседней Грузии. Здесь был многочисленный слой армянских феодалов, часть которых беспрекословно приняла русское владычество и занимала военные и гражданские должности. Только незначительная часть была недовольна ограничением своих прав.

¹⁴⁴ «Архив армянской истории», кн. 5, док. 170 (на арм. яз.).

Находившиеся же в колониях буржуазные слои являлись самыми деятельными участниками освободительного движения, разрабатывали проекты воссоздания государства и делеяли надежду иметь свой национальный рынок.

Все это, естественно, осложняло задачу освободительной борьбы, обуславливало отсутствие единого фронта борьбы, четкого представления целей. Четко вырисовывались только два направления, о которых было сказано выше. Сношения с Россией более рельефно показывали наличие этих двух умонастроений.

Ярко выраженным примером национально-консервативного умонастроения может служить письмо ереванского мелика Агамаяна и юзбаша Габриела Гегамаци от 1803 г. находившемуся в Грузии бывшему мелику Варанды Джимшиду Мелик-Шахназаряну¹⁴⁵. Письмо было вызвано слухами об ожидавшемся походе генерала Цицианова на Ереван. Они просили Джимшида Мелик-Шахназаряна способствовать установлению мира между Цициановым и Мамад ханом, иначе предполагали нашествие персидской армии, что, кстати, и свершилось, избиение христан, разрушение церквей и т. д. Они не хотели, чтобы в Ереванском ханстве случилось то, что стало уделом карабахских армян в конце XVIII столетия. Уместно отметить, что на представителей национально-консервативного направления сильное впечатление оказал крах освободительных попыток армянских меликов Карабаха и их вынужденное изгнание.

Надо сказать, что худшие предположения Мелика Абраама и юзбаша Габриела оправдались. В результате неудачного похода Цицианова на Ереван, многие тысячи армян вынуждены были эмигрировать, оставив свою родину, или стали жертвой места завоевателей. Число армянского населения в Ереванском ханстве сильно сократилось, грозя изменением этнографического облика страны.

Вынуждены были эмигрировать сами Мелик Абраам и юзбаша Габриел. В мае 1806 г., в своем обращении к Александру I, они следующими словами описывали положение Араратской страны: «Знаменитый престол Эчмиадзинский опустел и лишился духовенства и христианского народа, став обиталищем язычников. И все пределы Араратские подвергнуты крайнему бедствию, и мы, жители ее, лишенные отечества, обиталища и всего имущества нашего, голые и нуждающиеся во всем, еле-еле освободили нас и собрались под покровительство сильных крыльев вашего император-

ского величества, а большинство наших братьев христиан все еще остаются в своем отечестве и терпят бедствия сильные...»¹⁴⁶.

Из всего вышесказанного нельзя однако заключить, что они были против России и русской ориентации. Они, как свидетельствуют их письма и обращения, великолепно знали реальное положение армянского народа под хано-персидским игом, потому и считали, что среди неимоверных страданий «надежда и убеждение нации армянской были не что иное, если не помощь всемогущей державы российской...»¹⁴⁷.

В диссертации приводятся высказывания деятелей обоих направлений армянского национально-освободительного движения, подтверждающих, что все они уновали в первую очередь на помощь России. Следует однако отметить, что у подавляющего большинства звучали всегда просительные нотки. Поэтому Иосиф Аргутинский осуждал таковых, отметил: «а лишь просят спасите нас; когда спасают мечом, по закону царей, подчиняют себе»¹⁴⁸. Эту истину хорошо усвоил другой видный деятель освободительного движения, Персес Аштаракец, в годы русско-персидской войны 1826—1828 гг. и, организовав армянские добровольческие полки, попытался просительные нотки заменить действительной борьбой за «исконные права» армянского народа.

События начала XIX в. вселили надежду на освобождение и у армян соседних с Восточной Арменией турецких пашалыков. Карсский архиепископ Иоаннес еще в 1802 г. писал К. Ф. Кноррингу, что он молится беспрестанно, чтобы Россия могла «завоевать государства неверных», подчинить их своей власти. Свое послание он кончал следующими словами: «...не промедлите и спасите нас, т. к. надежда беспомощного армянского народа на бога в небесах, на вас—на земле»¹⁴⁹.

Продвижение России и успехи русского оружия приветствовали армяне далекой Индии. В ноябре 1805 г. в Мадрасе состоялось 43-е собрание депутатов общества попечения сирот мадрасских армян под председательством Назара Шаамиряна, где было принято решение отправить послание Александру I как покровителю нации и страны Армянской с тем, чтобы он спас «сиротливую нацию армянскую», и утвердил мир «в отечестве нашем»¹⁵⁰. Более того, они про-

¹⁴⁶ Матенадаран, архив католикоса, папка 17, док. 57.

¹⁴⁷ «Архив армянской истории», кн. 5, док. 170.

¹⁴⁸ Матенадаран, рукопись № 2699, л. 102.

¹⁴⁹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, л. 28, л. 102.

¹⁵⁰ «События или дела», Мадрас, 1806, стр. 28.

¹⁴⁵ ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, 1803 г., д. 49, л. 36—36 об.

силы дать им возможность вернуться на родину и трудиться на ее благо¹⁵¹.

Освободительные чаяния армянского народа не ограничивались выражениями благодарности и симпатий к России только на бумаге. Армяне принимали деятельное участие во всех акциях русского правительства, способствовавших свержению ненавистного хано-персидского ига. Во время войны 1804—1813 гг. армянские добровольческие отряды внесли серьезный вклад в победы русских войск.

Связь армянской освободительной мысли с Россией лучшим образом проявилась в дни Отечественной войны русского народа 1812 г. Помимо того, что многие армяне—генералы и офицеры в рядах русской армии сражались против наполеоновских войск, деятели армянского освободительного движения проявили самую искреннюю заинтересованность в победе России, ибо считали, что Россия является «надеждой Азии», т. е. освободительницей армянского народа. Армянские деятели войну против Наполеона считали Отечественной и для себя¹⁵². По их мнению, патриотический долг армян—бороться за Россию.

Интересна мысль, высказанная католикосом Ефремом в поздравительном послании на имя Александра I. Назвав последнего «спасителем Европы» и «миротворцем всего света», католикос довольно прозрачно намекал, что он не должен забыть, что является «надеждой и чаянием» армянского народа, жаждающего «милостивого посещения вашего»¹⁵³.

Однако не следует думать, что все шло гладко и политика царского правительства всегда находила поддержку со стороны деятелей армянского освободительного движения. Чем больше была надежда на Россию, тем чувствительнее были политические промахи царских властей. Вызывало, например, недоумение, что в присоединенных к России ханствах сохранялся прежний ханский режим.

Далее. Известно, что значительная часть городского населения Грузии составляли армянские ремесленники и торговцы¹⁵⁴. В своей политике централизации государства грузинские цари опирались на горожан и хотели усилить их верхушку в противовес феодальной аристократии. В конце XVIII—начале XIX вв., в условиях расширения товарного производства и некоторых политических изменений, позиции грузинской феодальной аристократии расшатались, в резуль-

¹⁵¹ «Присоединение...», т. I, док. 334.

¹⁵² Матенадаран, архив католикоса, папка 24, док. 172.

¹⁵³ Там же, папка 25, док. 39.

¹⁵⁴ Ш. А. Месхия. Города и городской строй феодальной Грузии XVII—XVIII вв., Тбилиси, 1959.

тате чего углубились классовые противоречия между феодальной аристократией и городским населением.

Руководствуясь интересами грузинской феодальной аристократии и исходя из собственных помещичьих-крепостнических умонастроений, генерал Цицианов встал на сторону грузинской феодальной верхушки и направил острые свои нападки на тех, кто способствовал развитию товарно-денежных отношений. В этом смысле, проведенная Цициановым политика была шагом назад по сравнению с политикой грузинских царей. Более опасно было то, что Цицианов всячески старался превратить свой курс в официальную политику царского правительства. Умалчивались заслуги армян в русско-персидских войнах, особенно армянских меликов Карабаха, которым даже не было разрешено вернуться на свою родину, хотя она находилась под властью России¹⁵⁵.

Бурный протест вызвала ссылка приславших с жалобой в Тифлис к главноначальствующему Н. Ф. Ртищеву нухинских армян. Они требовали ликвидировать оскорбительный налог «за веру» («дин и паг»). Считая это массовым выступлением, запрещенным в России, Ртищев не выикнув в суть дела, сослал «главарей» этого протеста.

Критическое отношение к подобным явлениям, отдельные протесты, временами проявляемое недоумение однако не поколебали веру в Россию армянского народа и руководителей его борьбы. Господствующим умонастроением этого периода было убеждение, что осуществление армянских освободительных чаяний возможно исключительно с помощью России.

5. Просветительное движение как выражение армянских освободительных устремлений

Наряду с формированием и усилением армянской буржуазии колоний одним из первоочередных вопросов становился вопрос просвещения. Придя к национальному самосознанию и став организованной общественной силой, армянская буржуазия должным образом стала обращать внимание на просвещение в духе нового времени. Передовые представители армянской торговой буржуазии усвоили идеи европейского просветительного движения и старались распространить их среди армян.

Со второй половины XVIII века просветительное движение приобрело широкий размах особенно в тех армянских

¹⁵⁵ «Архив армянской истории», кн. 5, док. 179 (на арм. яз.).

колониях, где большой удельный вес имела торговая буржуазия. Распространению просветительного движения во многом способствовало книгопечатание, по высказыванию К. Маркса, одно из выражений буржуазного развития. Оно стало средством воспитания национального самосознания.

Новые идеи нашли свое отражение в программных документах индийских армян — в «Увещевании», «Западные тщеславия» и «Ншаваке». Смысл этих произведений заключается в идее восстановления армянской государственности в виде парламентарной республики и развития капиталистических отношений.

Эти новые идеи нашли горячий отклик у обитающих в России армян. Однако следует отметить, что в то время, как Ш. Шаамирян возлагал большие надежды на карабахских меликов, как основных руководителей освободительного движения, И. Лазарев был скептически настроен в отношении их. Он, наоборот, считал, что невежество этих армянских «владельцев» делает их бесполезными как для нации, так и для самих себя¹⁵⁶. Братья И. Лазарева, Минас и Иоаким Лазаревы, выражали надежду, что карабахские мелики осознают пользу просвещения, после чего в состоянии будут «подняться за свободу»¹⁵⁷. Таким образом, представители армянской буржуазии действительно надежным средством для национального освобождения считали просвещение.

По мнению представителей буржуазии обязанностью армянского духовенства должна была быть проповедь национального единства и просвещения. Тем больше роль духовенства, что, по стечению исторических обстоятельств, армянские народные массы идут за ним, внемлют его словам¹⁵⁸.

И лишь после того, когда просвещение стало бы достоянием народа, можно было бы поднять восстание, изгнать поработителей и добиться свободы.

Из индийских армян Назар Шаамирян также считал, что основное спасение в том, чтобы благодаря просвещению название «Армения» было бы исключено из числа невежественных народов¹⁵⁹.

Акоп Шаган-Джрпетян считал, что многовековые культурные традиции армянского народа, созданные в прошлом великолепные памятники материальной и духовной культуры свидетельствуют лишь о том, что современное невежественное состояние армянского народа результат трагически сложив-

шихся исторических обстоятельств, а не свидетельство «ненависти к мудрости»¹⁶⁰. Задача состоит в том, чтобы возобновить все это в памяти народной, преподать им всю мудрость прошлого и вывести на широкую дорогу просвещения.

Представители армянской буржуазии хорошо понимали, что «многочисленные нации европейские, которые как мы сейчас, топтались в невежестве и тьме, в настоящее время удостоиваются чрезмерной хвалы, как пример великолепный и достойный восхищения»¹⁶¹.

Передовые деятели эпохи правильно сознавали, что необходимо вывести дело просвещения из-за высоких монастырских стен и сделать достоянием всех, так как просвещение нужно всем, а не одному духовенству. Поэтому и первой задачей просвещения считалось создание новых светских школ, соответствующих духу времени. И не случайно, что в первой четверти XIX в. одно за другим были учреждены Агабабовское училище в Астрахани (1806 г.), Московский Лазаревский институт (1815 г.), «Мардасиракан Джемаран» в Калькутте (1821 г.), училище Нерсисян в Тифлисе (1824 г.), школа «Жарангаворац» в Эчмиадзине (1813 г.) и т. д., сыгравших незаменимую роль в деле распространения просвещения, создания новой армянской культуры. Характерно, что учреждение Лазаревского института Иоаким Лазарян считал «делом главным, полезным и национальным»¹⁶². Нерсес Аштаракецки считал школьное строительство «надеждой возобновления» армян¹⁶³.

Все это свидетельствует о том, какое первостепенное значение придавалось просвещению в деле будущего армянского народа. Развернувшееся просветительное движение тесно было связано с национально-освободительными задачами, считалась тем краеугольным камнем, на котором могло быть воздвигнуто будущее «Арамейской нации».

На наш взгляд, с просветительным движением тесно связан вопрос реформы правления армянской церкви. Армянская буржуазия, исходя из сложившихся исторических обстоятельств, считала церковь важным национальным институтом. Если европейские буржуазные революции, особенно Великая французская буржуазная революция, были направлены также против католической церкви и господства папства, то в армянской действительности, исходя из существующего положения вещей, ставился вопрос реформы правления церкви, т. е. задача приспособления ее к новым историческим

¹⁶⁰ Матенадаран, архив Ерицяна, папка 159, док. 210 г.

¹⁶¹ Там же, архив Лазаревых, папка 106, д. 14, док. 1.

¹⁶² Матенадаран, архив Лазаревых, папка 102, д. 3, док. 210.

¹⁶³ Там же, папка 105, д. 13, док. 154.

¹⁵⁶ Архив АН СССР, ф. 99, оп. 2, д. 13, л. 60.

¹⁵⁷ ЦГИА СССР, ф. 880, оп. 5, д. 610, л. 27.

¹⁵⁸ См. В. Дилоян, ук. соч., стр. 174.

¹⁵⁹ «События или дела», стр. 7.

условиям. С точки зрения национально-освободительных интересов, реформированная церковь больше способствовала бы осуществлению требований национальных задач.

Необходимость реформы правления церкви особо остро ощущалась в годы борьбы Давида и Даниила. Еще в 1801 г. Иван Лазарев высказал мысль, что отсутствие «коллегиального правления» может привести Эчмиадзинский престол к гибели¹⁶⁴. В этих условиях возникла идея создания Высшего совета или синода армянской церкви.

В исторической литературе до сих пор считалось, что идея и инициатива создания Высшего совета (синода) принадлежит католикосу Даниилу. Однако исследование документов показало, что инициатором этого дела был Минас Лазарев. Еще в июле 1805 г. он писал об этом епархиальному начальнику грузинских армян архиепископу Иоаннесу¹⁶⁵. В своем ответном письме последний не только одобрял эту мысль, но и причины национальных бедствий видел в единоначалии.

В сентябре того же 1805 г. Минас Лазарев послал в Тифлис составленный им проект синода, состоящий из 21 статьи. Однако имя автора проекта скрыли¹⁶⁶, по-видимому потому, что он был светским человеком. Ясно, что изданное впоследствии (в 1808 г.) и состоящее из 22 статей положение о синоде принадлежало перу Минаса Лазарева.

Обо всем этом Даниил, находившийся в Мараге в ссылке, был поставлен в известность, после чего последовала его грамота на имя архиепископов Ефрема, Григора Хамсеци, Барсега и Иоаннеса, чтобы они приступили к созданию синода.

25 мая 1808 г. был создан синод¹⁶⁷, которому должны были подчиняться все, начиная от католикоса и кончая последним священником. Согласно положению предусматривалось, что члены Высшего совета должны были собираться регулярно и решать вопросы в духе справедливости. Строго запрещалось принятие взяток в виде подарков по судебным делам и т. д.

Конечно, в условиях хано-персидского ига эта попытка реформы правления церкви не дала ожидаемых результатов, однако создание Высшего совета имело принципиально важное значение, ибо оно явилось победой армянской буржуазии в деле введения коллегиальности правления в таком учреждении, каковым является церковь.

¹⁶⁴ «Архив армянской истории», кн. 5, док. 167 (на арм. яз.).

¹⁶⁵ «Архив армянской истории», кн. 5, док. 167 (на арм. яз.).

¹⁶⁶ Там же, док. 169.

¹⁶⁷ Там же, кн. 1—2, стр. 210—211.

В архивах нам удалось найти один отклик на это событие, которое однако очень красноречиво. Это письмо находившегося в Тавризе на службе у Аббас-Мирзы Ростома Мирза-Коркиняна, посланное Высшему совету Эчмиадзина, который он называет сенатом. Он писал, что «наше желание, чтобы этот св. сенат оставался незыблемым и без сената никто не посмел вмешиваться в дела престола». Но интереснее всего то, что находившийся на службе у деспотического режима этот чиновник мечтал, по крайней мере, о конституционной монархии. Вот что он писал: «Бог даст и придет время, и как мы одобрили святой ваш сенат, ваше приказание одобрите здешний сенат»¹⁶⁸. Эти слова свидетельствуют о том, что буржуазные умонастроения пустили довольно глубокие корни в армянской действительности.

Любопытно то обстоятельство, что католикос Даниил хотел положение о синоде представить на высочайшее утверждение Александра I¹⁶⁹. Однако просьба католикоса была отклонена под тем правильным предлогом, что Эчмиадзин находится вне пределов империи, следовательно, царь не может вмешиваться во внутренние дела другого государства. Но сам факт обращения католикоса к царю с подобной просьбой говорит о том, что, несмотря ни на что, он уже считался союзником армянской нации для некоторых кругов.

На наш взгляд и просветительное движение, и в некотором смысле реформа правления армянской церкви являлись существенными компонентами освободительного движения. Начинания этого времени дали хорошие плоды в последующем.

6. Россия и армянская освободительная мысль в 20-х годах XIX века

Как было сказано, в XVIII—начале XIX вв. в восточной политике России важное место занимала политика в отношении Закавказья. Если в XVIII в. русское правительство провозглашало своей внешнеполитической целью создание армянского государства, или же объединенного армяно-грузинского христианского буферного государства, то она изменилась в самом начале XIX в., в результате присоединения Грузии к России. С этого времени политику царизма характеризовал отказ от своих прежних обещаний.

Сознавая происшедшее в политике царского правительства изменение, армянские освободительные круги, тем не

¹⁶⁸ Матенадаран, архив католикоса, папка 21, док. 158.

¹⁶⁹ «Архив армянской истории», кн. 5, док. 316 (на арм. яз.).

менее, продолжали лелеять хрупкие надежды на восстановление армянской государственности под протекторатом России; и если во второй половине XVIII в. ставился вопрос о заключении армяно-русского союзного договора о восстановлении армянского государства под протекторатом России, то в первых десятилетиях XIX в. об этом не было речи. В 20-х годах, особенно, в годы русско-персидской войны 1826—1828 гг. снова встал вопрос будущего статуса Восточной Армении. Если до 20-х годов XIX столетия в армянской освободительной мысли заметна была неопределенность целей, лишь абстрактно говорилось о восстановлении «былой славы» Армении, и в общем создавалось такое впечатление, что деятели армянского освободительного движения не представляли ясно будущего, то русско-персидская война, создавшееся в результате войны положение в Закавказье, некоторые невыгодные для освободительных чаяний армянского народа намерения царизма требовали от них более четкого формулирования своих политических устремлений.

В эти решающие дни на первый план выдвигается Нерсес Аштаракечи. Находясь в горниле политических событий Закавказья этих лет, преисполненный идеей национального освобождения своего народа, Нерсес Аштаракечи был поставлен перед необходимостью определения политических чаяний армян и претворения их в жизнь. В этом вопросе не менее видную роль играл Хачатур Лазарян.

Не всегда их деятельность правильно понималась и оценивалась. Некоторые историки и публицисты называли их «царскими агентами». Между тем, в эти годы они пользовались большим влиянием и авторитетом. По определению М. Гамазяна, Н. Аштаракечи был человеком «отличающимся во всех отношениях и одаренный умом»¹⁷⁰. К. Аргутинский-Долгоруков следующими словами характеризовал его: «преосвященный Нерсес... исторический пастырь, а не просто костылем ноги поджавший архиерей»¹⁷¹.

Нерсес Аштаракечи непоколебимо верил в идею освобождения Армении с помощью России. Это видно из следующих его слов, обращенных к России: «поторопись и пусть пробуждающая сила твоя, грозной империи Российской, спасет мощной десницей страну родную Армению и сыновей ее...»¹⁷².

Как представляли Н. Аштаракечи, Х. Лазарян и другие деятели идею восстановления армянской государственности?

¹⁷⁰ Матенадаран, архив Лазаревых, папка 104, д. 8, док. 111.

¹⁷¹ ЦГИА СССР, ф. 880, оп. 5, д. 25, л. 125 об.

¹⁷² Матенадаран, архив Н. Аштаракечи, папка 165, док. 368.

Сохранившиеся документы подсказывают, что Н. Аштаракечи считал возможным ее осуществление, если российский император согласится принять титул царя Армении еще до освобождения Армении. В этом смысле характерно письмо Н. Аштаракечи епархиальному начальнику российских армян архиепископу Ионнесу Гарлакеряну. Аштаракечи предлагал всячески постараться, чтобы Александр I принял титул царя Армении, так как армянский народ готов признать его таковым. Однако Аштаракечи предупреждал, что русский император должен дать свое согласие на восстановление армянского народа в своей «былой славе»¹⁷³, под коим подразумевалось, несомненно, восстановление армянской государственности. Надо отметить, что идея признания всероссийского императора царем армян и Армении было довольно укоренившимся убеждением, распространенным также и в Западной Армении. Так, например, посетивший Западную Армению в 1821—1829 гг. французский путешественник В. Фонтанье писал, что будучи в Эрзеруме, он посетил местного армянского архиепископа (Карапета Багратуни—В. Д.) в его резиденции и в бывшей там армянской школе видел портреты императора и императрицы России. Далее он пишет, что эти «схизматики» (армяно-грегорианцы—В. Д.) считают их своими законными суверенами¹⁷⁴. Это свидетельство—красноречиво и в комментариях не нуждается.

Начавшаяся в 1826 г. русско-персидская война у армянских деятелей, в частности, у Н. Аштаракечи создала твердую убежденность, что пришло время для осуществления национальных чаяний армянского народа. Поэтому Н. Аштаракечи в своих посланиях и обращениях призывал армянский народ сохранить свою традиционную верность России, т. к. отступление русских войск временное явление и они «скоро вернуться в прежние места благодаря своей мощи и враги, приходя в ужас перед мечом непобедимой рати русской, не только покинут пределы державы российской, но и свои владения...»¹⁷⁵, подразумевая, что Ереванское и Нахичеванское ханства также будут отобраны у врага.

Н. Аштаракечи считал, что верность России и русскому оружию необходима, ибо в создавшихся условиях необходимо «сохранить зоркость ума»¹⁷⁶ для того, чтобы «сохранить славу веры христианской» и родной нации армянской»¹⁷⁷, чтобы

¹⁷³ Матенадаран, архив католикосата, папка 24, док. 158.

¹⁷⁴ Voyages en Orient, enterpris par ordre du gouvernement Français, de l'année 1821 à l'année 1829, par V. Fontanier, Paris, 1829, p. 57.

¹⁷⁵ Матенадаран, архив Н. Аштаракечи, папка 166, док. 604.

¹⁷⁶ Там же, док. 609.

¹⁷⁷ Там же, док. 605.

«прибыть в гавань желанную»¹⁷⁸. Он считал также, что армянский народ обязан с оружием в руках бороться против «всех врагов» и держать путь в Армению, чтобы «отомстить за попраанные права наших предков и их наследников»¹⁷⁹. Призыв Н. Аштаракци взяться за оружие преследовал цель не только оказать помощь русской армии, но имел глубокий смысл. Непосредственное участие армян в войне за освобождение своей Родины должно было способствовать осуществлению армянской автономии.

Ярким выражением подобных устремлений и целей была идея Н. Аштаракци создать армянские добровольческие полки и тем самым регулярное армянское войско. Уже в марте 1827 г. он создал армянский полк. Русское правительство пошло навстречу этому желанию армян и с этой целью учредило комиссию под председательством тифлисского военного губернатора генерала Сипягина.

В эти дни среди армян царило романтическое вдохновение, на фоне которого многим мерещилась «восстановленная» Армения под протекторатом России. Более того, русское правительство само способствовало распространению подобных настроений. Так, например, в своем призыве армянскому народу генерал Сипягин довольно прозрачно намекал, что «Вы имеете под собственными знаменами собственные свои полки. Вам предоставляется оружие, чтобы принести покой вашим страждующим братьям, чтобы обеспечить спокойствие ваших семей, чтобы заслужить милости императора и защитить родину»¹⁸⁰. О царившем всеобщем вдохновении свидетельствует и очевидец Н. Н. Муравьев. В своих воспоминаниях он писал следующее об армянских добровольцах: «Завербовавшиеся показывали довольно твердое намерение остаться верными своему обещанию... Казалось, что новый дух поселился между всеми армянами, которые надеялись видеть восстановление своего царства...»¹⁸¹.

С заключением Туркманчайского мирного договора Ереванское и Нахичеванское ханства навсегда сбросили ханский деспотический режим и вступили на новый путь развития. В «Некоторых предположениях о Грузии и сопредельных ей областях» совершенно правильно указывалось, что русско-персидская война 1826—1828 гг. «сближает к тем основным видам, кои со времени Петра Великого имелись в предпо-

¹⁷⁸ Там же, док. 609.

¹⁷⁹ Там же, док. 625.

¹⁸⁰ А. Ерицян, ук. соч., ч. I, стр. 274—276.

¹⁸¹ М. Г. Нерсисян. Из истории русско-армянских отношений, кн. I. Ереван, 1956, стр. 250—251.

жении. Давно желаемое ныне совершается. Твердые границы по Араксу представляют естественный оплот против вероломного властелина тамошних стран, преградою река и крепости»¹⁸². Далее говорилось, что «сухопутная азиатская торговля, получив новую жизнь и распространение, обещает источники богатств»¹⁸³.

В армянских кругах большую радость вызвало то знаменательное для данной исторической эпохи явление, что царским приказом Ереванское и Нахичеванское ханства были переименованы в Армянскую область. «Мир, заключенный с Персиею,—писал один из армянских общественных деятелей этого времени, бывший в тесной связи с Лазаревыми, Константин Аргутинский-Долгоруков,—доставил мне приятную минуту в разных отношениях, из коих именование Армянскими областями Нахичеванской и Эриванской провинции было не из последних... Жители сих новых областей, наши соплеменники получают в награду в названии Армянских областей некоторое самобытное состояние. Мысль прекрасная и весьма полезная»¹⁸⁴.

Все вышеприведенные свидетельства указывают на то, что армянские общественные и политические деятели стремились к обеспечению определенных автономных прав для Восточной Армении и восточных армян в пределах Российской империи. Поэтому не случайно в упомянутых «Некоторых предположениях...» Лазаревых подчеркивались имевшиеся «предположения» Петра I, которые заключались в намерении создания армянского государства. Напоминая об этом, авторы «Некоторых предположений...» исходили из изменившейся политической обстановки и предъявляли лишь требование автономии. Оно было сформулировано в первом пункте программы следующим образом: «Дабы наивышше возбудить армянский народ к большому водворению в Россию, особенно в нововокоренные области, дабы одушевить знатное духовенство и все состояния целой нации в содействиях к добровольному состоянию добровольного воинства, главное и единственное в видах политики, в достижении истинной цели будущего благоустройства, состоит в том, чтобы государь император к Высочайшему титулу, в доводе благоволения своего к подвигам армянского народа, в следствие мирного трактата с Персиею, соблаговолил ныне присоединить наименование: *царя Армянского*»¹⁸⁵. По

¹⁸² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4338, л. 74.

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ ЦГИА СССР, ф. 880, д. 25, л. 7.

¹⁸⁵ ЦГИА СССР, ф. ВУА, д. 4338, л. 74.

мнению авторов, главная цель заключалась в возрождении царства Армянского¹⁸⁶.

Рассматривая этот вопрос, проф. В. А. Парсамян пишет: «Авторы проекта восстановление армянского царства связывали с русским двором. Но ничего не сказано, какое конкретное содержание должно было иметь армянское царство, во главе которого должен был стоять император России. Вообще этот вопрос у авторов проекта выступает в очень аморфном виде»¹⁸⁷.

Можно согласиться с положениями проф. В. А. Парсамяна о том, что вопрос возрождения армянской государственности связывался только с Россией, и что русский император должен был воплощать собой и армянского царя, т. к., на наш взгляд, в исторических условиях данного периода другого решения вопроса не могло быть. Но трудно согласиться с положением проф. В. А. Парсамяна о том, что вопрос содержания армянского царства в проекте выступал в «аморфном виде».

Как в данном проекте, так и в других документах того времени, имеющих касательство к вопросу о будущем армянского царства, определенно ставится этот вопрос в том смысле, что Восточная Армения должна пользоваться автономией. В чем же должна была выражаться эта автономия? Прежде всего в том, что «Армянское царство» должно иметь собственное войско для защиты собственных границ.

В «Некоторых предположениях...», выражающих автономные стремления их авторов, большое внимание уделялось вопросу охраны границ Восточной Армении. Аргументируя, что границы империи, по мере их расширения к югу, нуждаются в серьезной защите, а непривычные к местному климату русские войска подвергаются различным заболеваниям и смертность среди них очень высока, считалось полезным создание «внутренней пограничной стражи» в основном из армян, составление особого положения, «с правами и выгодами сопряженного».

С этой целью необходимо было убедить народ, что создание подобного «войнства» насколько выгодно России, настолько же выгодно им самим, т. к. оно призвано защищать собственное имущество, собственные семьи. И в то время, когда «возродится добровольное соревнование в нации и во всех сочленах ее быть верными защитниками своей отчизны и воскреснет не существовавшее уже столько веков царство Армянское, тогда произойдет сугубая выгода», т. к. численно умножится добровольное ополчение, а правитель-

ство удостоверится, что в лице коренных жителей приобрело сколько для выгоды России, столько же и для собственной «усердных и верных поборников, ограждающих границы своей пользы».

Далее предлагалось не распространять действующие в России законы относительно армян, в силу которых армяне рассматривались как временные подданные и были освобождены от рекрутства. С другой стороны создаваемая пограничная стража должна была считаться «особенным родом воинства» и состоять «на особенных правах», заключающихся в сокращении срока службы и предоставлении выгод после отслужения.

После прихода к общему согласию в принципе, в Петербурге должны были создать особый комитет, с участием доверенных от армянского народа лиц, которому поручалось бы составление плана и устава пограничного воинства. Затем они должны были быть переведены на армянский язык и представлены на рассмотрение католикоса всех армян и соответствующих епархиальных начальников, т. к. они лучше знали местные условия и особенности народа.

Не считая это достоверным и исходя из являющейся для них реальностью существования будущего Армянского царства, авторы проекта предлагали при особе царя в Петербурге создать армянскую гвардейскую дружину или эскадрон, в которой служили бы состоявшие в русской армии все офицеры-армяне, а также сыновья «из богатейших и первых фамилий», «дабы тем придать более веса и укоренить общее мнение в нации».

Все это на первых порах. Что же касается будущего, то во внутренней пограничной страже должны были служить лица, получавшие образование в Лазаревском и Нерсисяновском училищах, созданных с благоволения правительства, но не получивших субсидий из казны.

Авторы проекта создания Армянского войска исходили из того факта, что в прошлом русское правительство принимало подобные попытки и ссылались на пример Армянского регулярного эскадрона, существовавшего в XVIII столетии¹⁸⁸.

Наличие вышеуказанного проекта, а также деятельность Нерсеса Аштаракецци, направленная на создание армянских добровольческих дружин и поголовное участие армян во взятии Ереванской крепости не были самоцелью, а исходили из стремления возрождения «Армянского царства».

Необходимо отметить, что русское правительство довольно серьезно отнеслось к предложению Лазаревых. Мы

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ В. А. Парсамян. А. С. Грибоедов..., стр. 146.

¹⁸⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4338, лл. 74—77.

хотим первым делом обратить внимание на тот факт, что к проекту, представленному русскому правительству и сохранившемуся в ЦГВИА, приложены три документа относительно Армянского эскадрона. Первый из них—приказ императрицы Анны Иоанновны от 23-го января 1737 г., по которому командиру Армянского эскадрона Лазарю Христофорову было присвоено воинское звание генерал-майора¹⁸⁹, второй—о личном составе Армянского эскадрона¹⁹⁰ и третий—какое жалованье получали офицеры и солдаты Армянского и Армяно-грузинского эскадронов¹⁹¹. Наличие указанных документов наряду с проектом говорит в пользу того, что русское правительство на самом деле интересовалось вопросом о создании пограничного воинства из армян, и сбор копий документов, имевших какое-то отношение к нему являлся одним из шагов, предпринятых в этом направлении.

Сохранилось также мнение начальника Армянской области генерала Красовского о создании в Ереванской области конных и пеших дружин. И из этого документа явствует, что правительство предпринимало серьезные шаги в этом направлении. Генерал Красовский в своем мнении писал, что на первое время можно создать ополчение пока из двух тысяч человек, т. к. неизвестно точное число жителей области ввиду прихода все новых и новых переселенцев из Персии. Сопекаясь с Нерсесом Аштаракци, продолжал ген. Красовский, они пришли к общему выводу, что ополченцы не должны быть обременены военным обучением, чтобы иметь свободное время для хозяйственных занятий. Ополчением должны были командовать и обучать фронтовые офицеры. В военное время можно было бы увеличить число ополченцев, не затруднив населения¹⁹².

Наконец, с подобным же предположением к Николаю I обратился, в апреле 1828 г., генерал И. Ф. Паскевич, который считал весьма полезным «для облегчения войск и для сбережения оных от болезней и смертности, учредить в сем крае ополчение из армян, грузин и татар, которые в некоторых местах, для северных жителей вредных, могли бы служить стражею и охранением наших границ. Таковое ополчение полагаю я составить из 3-х батальонов, каждый в 1000 человек...»¹⁹³. Конечно, Паскевич вкладывал совершенно иное содержание в местное ополчение, чем подразумевалось в проекте Лазаревых. Тем не менее, из этого доку-

¹⁸⁹ Там же, л. 78.

¹⁹⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4338, л. 79.

¹⁹¹ Там же, л. 79 об.—80.

¹⁹² Там же, д. 4334, лл. 12—13.

¹⁹³ АКАК, т. VII, док. 15.

мента также явствует, что правительство в какой-то степени считалось с представленным проектом, во всяком случае, не могло игнорировать его.

Рассмотрение вопроса затянулось, пока начальник Армянской области генерал Бебутов не дал отрицательного мнения на том основании, что 25-летний срок военной службы отпугивает армян, а сокращение срока службы до 6-ти лет расшатает дело защиты границ. Поэтому он предлагал основать русские военные поселения и тем самым укрепить основу вечного господства царизма во вновь приобретенной земле¹⁹⁴.

Попытки Лазаревых и Нерсеса Аштаракци создать армянское войско, провалились, как и многие другие замыслы.

Наряду с армянским войском, местное население должно было пользоваться внутренней автономией, дарованной «по примеру прежних времен», «сообразную с прежними высочайшими привилегиями», чтобы «все общества многих армянских городов и селений успокоились в жребии своем»¹⁹⁵.

Совершенно ясно, что здесь речь идет о распространении на весь армянский народ тех привилегий, которыми пользовались армянские колонии Нового Нахичевана, Григориополя, Астрахани, Моздока, Кизляра и др. Это означало, что общества армянских городов и селений получают внутреннюю автономию в области судебной, распределения и взывания налогов, торговой деятельности, создания заводов и фабрик, церквей и т. п.

С этой точки зрения интересны меры, принятые Нерсесом Аштаракци в Вагаршапате. Селение Вагаршапат принадлежало Эчмиадзину, поэтому и Н. Аштаракци попытался здесь создать местное самоуправление. С этой целью он приказал избрать пять судей для Вагаршапата, который «хотя ныне и селение, но прежде был резиденцией царей (столицей—В. Д.) Армении»¹⁹⁶. Именно поэтому выборные судьи обязаны были быть справедливыми, не проявлять корысти, «ибо как из святого престола Эчмиадзинского, главы всех церквей (армянских—В. Д.) издаются все духовные законы, так и из Вагаршапата, как из бывшей столицы, издаваемые справедливые и разумные светские законы станут началом законодательства в пределах всей Армении»¹⁹⁷. Вышеприведенный документ не оставляет никакого сомнения, что Вагаршапат и Эчмиадзинский монастырь, по мне-

¹⁹⁴ В. Потто. Кавказская война..., т. IV, вып. 4, стр. 474.

¹⁹⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4338, л. 77.

¹⁹⁶ Матенадаран, архив католикоса, папка 58, док. 112.

¹⁹⁷ Матенадаран, архив католикоса, папка 58, док. 112.

нию Нерсеса Аштаракеци, должны были стать центром—столицей Армении и издать законы как светские, так и духовные.

Создаваемый судебный орган или ратуша должен был иметь свое здание, вести дела письменно, заседать регулярно, не принимать просьбы и иски вне суда. Запрещалось взяточничество, т. к. «взятка ослепляет любителей правды», поэтому и «и взяточник, и давший взятку должны быть строго наказаны». Должно было быть установлено единство меры и весов, введена борьба против спекуляции¹⁹⁸.

Установленные Нерсесом Аштаракеци правила свидетельствуют, что он хотел искоренить распространённые в стране в результате ханского правления все порочные явления и создать нормальные условия для бедных слоев населения.

Данный документ интересен не только в том смысле, что обнаруживает одну из попыток создания армянского самоуправления, свидетельствуя о господствующем в то время умонастроении, но и в том аспекте, что характеризует Нерсеса Аштаракеци как деятеля определенных демократических взглядов, деятеля, заинтересованного в прогрессе своего народа.

Касаясь вопроса восстановления армянской государственности, проф. В. А. Парсамян пишет, что этот вопрос «в свое время вызвал некоторый интерес в правительственных кругах, а армянские патриоты настолько были вдохновлены этим, что начали посылать в русский двор различные исторические справки об армянском царстве, гербе, взаимоотношениях церкви и государства, а также переводы из армянских судебных книг, известного «Судебника» Мхитара Гоша и т. д.¹⁹⁹.

Эта точка зрения нуждается в поправке. Дело в том, что русское правительство само требовало эти сведения. Об этом свидетельствует письмо от 9-го марта 1828 г. Нерсеса Аштаракеци Арутюну Аламдаряну: «что касается печатной картины св. Эчмиадзина и законов армянских царей, особенно Иоанна Багратуни, о котором я до сих пор не знал, а также армянского судейника, которые просил передать его превосходительству Константин Христофорович Бенкендорф, я поощряю в библиотеке св. Эчмиадзина»²⁰⁰. Если иметь в виду, что генерал К. Х. Бенкендорф, «чья польза нации и родине

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ В. А. Парсамян, ук. соч., стр. 147.

²⁰⁰ Матенадаран, архив Н. Аштаракеци, папка 166а, д.к. 1095.

армянской, надеюсь, будет очень плодотворной»²⁰¹, как писал Н. Аштаракеци, в это время собирався в Петербург, если иметь в виду, что его брат А. Х. Бенкендорф был непосредственно связан с армянскими делами, то станет ясно, по чьему поручению и с какой целью он просил армянские законы и судейники. Нет сомнения, что в эту пору в русских правительственных кругах существовали определенные тенденции создания армянской автономии, что и нашло выражение в факте создания Армянской области.

Предложенное в проекте Лазаревых «Армянское царство» не должно было ограничиться лишь Ереванским и Нахичеванским ханствами, но и охватить все те области исторической Армении, которые принадлежали России²⁰².

Далее, с вопросом автономии тесно была связана проблема неприкосновенности прав армянской церкви. В своем отношении А. Х. Бенкендорфу от 30 июня 1829 г. под заглавием «Предположения касательно Армении» Хачатур Лазарян писал, что «необходимо, чтобы начертаны были правила и постановления, взаимовыгодные и для империи и для целой нации», «чтобы влияние и доверенность Эчмиадзинского араратского монастыря, в высоком сановнике Верховном всея Армении патриархе и его священных древних правах заключающаяся пребыла неприкосновенная и чтобы не последовало какого нового разделения в армянском народе», т. е. чтобы после присоединения Восточной Армении к России, в Персии и Турции не были сделаны попытки отделять своих подданных армян, что нанесет ущерб интересам России²⁰³.

Этого вопроса Х. Лазарян касается в секретном донесении А. Х. Бенкендорфу от 27 сентября того же 1829 г., где ставит вопрос, чтобы «на основании общих высочайших единожды навсегда гражданскому и военному местному узаконений, равно и церковных постановлений воспретить начальству входить в церковные и духовные дела, ибо оные непосредственно всегда принадлежали и принадлежат ведомству духовной высшей власти»²⁰⁴.

Таким образом, армянская государственность в составе Российской империи, по мнению авторов проекта «Некоторые предположения...», должна была возродиться на довольно обширной территории исторической Армении и «общепользная сия мера окажет в настоящие и грядущие времена большие плоды», т. к. из разных стран «будут стекаться

²⁰¹ Там же.

²⁰² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4338, лл. 74—77.

²⁰³ ЦГИА, СССР, ф. 880, оп. 5, д. 24, лл. 62—62 об.

²⁰⁴ ЦГИА СССР, ф. 880, оп. 5, д. 24, л. 141.

многие тысячи армянского народа с семьями и с достижениями своими под всемогущий покров благотворной эгиды царя Арменнии». Следовательно, ставится вопрос национальной консолидации армянского народа.

В эти решающие дни большое внимание уделялось вопросу национальной консолидации армян, которому способствовала также и политика России. Достаточно упомянуть о страстных призывах Нерсеса Аштаракеци к персидским армянам возвращаться в отчизну своих предков, чтобы убедиться, насколько злободневным был этот вопрос. По мнению Нерсеса Аштаракеци «спасение отчизны Армении лишь тогда будет обеспечено, когда приумножится в Армении—в Араратской области, в Нахичеване и Пайтакарахе и во всех их пределах нация армянская»²⁰⁵. Для обеспечения этого он считал необходимым переселение армян из разных областей Персии, добровольно и даже принудительно, ибо «пребывающие в глубоком невежестве» персидские армяне «не поймут своей пользы и настоящего и будущего ущерба» и не захотят свое имущество променять на будущую свободу и благополучие «под сенью благословенной державы всея России»²⁰⁶.

Особого внимания заслуживают следующие слова Нерсеса Аштаракеци, которые полностью раскрывают его политическое кредо и понимание первоочередных задач. Он заявлял, что «отныне армяне лишь тем могут показать всему миру свою мудрость, если страдания, которые претерпевали их предки везде, куда забрасывала их судьба, теперь, в это удачливое время собравшись, поторопятся друг к другу и подстрекаются заполнить территории Великой Армении—страну Араратскую и там, помогая друг другу приумножаться, усилиться и милостью всероссийского великого императора достигнут прежней славы и благолепия своей и наслаждаться будут покоем и радостью», иначе «разбросанная маленькая нация нигде и никогда не может надеяться на лучшее», тем более среди «варварских наций, которые ненавидят веру христианскую»²⁰⁷. Эти слова Н. Аштаракеци звучат пророчески, если учесть, какая участь постигла западных армян, разбросанных среди «варварских наций».

Таким образом, гарантией национального спасения и долговечия считалась консолидация армян на территории Восточной Армении «под сенью» России. Однако это не означало, что Н. Аштаракеци и другие армянские деятели руководствовались узконациональными интересами и старались

игнорировать права других народов, как это представлял генерал Паскевич в своих донесениях и рапортах. Отнюдь нет. Наоборот, Н. Аштаракеци был той личностью, к которой обращались беки и агалары азербайджанских, курдских и других племен, когда они хотели упорядочить свои отношения с русскими властями. Нерсес Аштаракеци уговаривал их принять русское подданство, т. к. «держава российская» «содержит вас и семьи ваши навсегда под своей опекой»²⁰⁸. Сохранились письма Н. Аштаракеци, написанные в таком духе к Заман аге, Неджеф султану, Мирзахан беку, Наги хану, курду Гусейн ага Шамдиняну и др.²⁰⁹.

Особого внимания заслуживает вопрос: каким представлялось деятелям армянского национально-освободительного движения будущее социальное устройство «царства Армянского»? Известно, что еще во второй половине XVIII столетия, когда разрабатывались проекты освобождения Армении и восстановления ее государственности с помощью России, всегда подчеркивалось то обстоятельство, что в Армении института крепостничества не существовало. Исходя из этого для себя бесспорного факта, авторы проектов оговаривали, чтобы не было дано права кому-либо продавать крестьян, что в Армении должны господствовать свои национальные законоположения²¹⁰.

В «Некоторых предположениях...» этот вопрос затронут в связи с предложением об ограничении крепостного права в Грузии. Лазаревы здесь выступают в роли противников крепостного «рабства». Перечисляя тот вред и перечисления, которые являются следствием существования крепостного права в Грузии, они приходили к заключению, что там «много беспорядков и много зла происходит, необходимо ограничить или уничтожить крепостное право в Грузии, или по меньшей мере постановить, чтобы никто не мог бы продавать по одиночке людей из семей, кои крепки не лицу, но земле, и чтобы вовсе запрещено было людей продавать, вывозить или переселять в прочие губернии и другие места»²¹¹.

Совершенно ясно, что если Лазаревы хотели видеть уничтоженным крепостное право в Грузии, то тем более не желали видеть его в Армении. Поэтому они вели страстную борьбу против всех попыток распространения крепостничества в Армении. А такие попытки были не единичны.

²⁰⁸ Там же, док. 892.

²⁰⁹ Там же, док. № 868, 884, 892 и др.

²¹⁰ «Архив армянской истории», кн. 4, стр. 733—734, 736 (на арм. яз.).

²¹¹ Матенадаран, архив Лазаревых, папка 106, д. 51, док. 96.

²⁰⁵ Матенадаран, архив Н. Аштаракеци, папка 166, док. 822.

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ Там же, док. 901.

Вспомнить хотя бы положение в Карабахе в 20-х годах XIX в., когда попытки закрепощения крестьян шли полным ходом. Характерно, что Лазаревы всячески старались избавить тех крестьян, которых незаконно присвоили некоторые лица, в частности, генерал В. Г. Мадатов, и требовали, чтобы высочайше крестьянам возвращена была их свобода²¹².

Тот факт, что так много внимания уделялось вопросу положения «бедного люда», т. е. крестьян, в освободительных проектах, говорит о том, что в Армянском царстве не должно было существовать крепостного права, а крестьяне должны были быть свободными мелкими производителями. Это, в свою очередь, способствовало бы развитию капиталистического способа производства.

Далее. Исходя из наличия богатых природных богатств всего Закавказья, Лазаревы предполагали, что это поспособствует дальнейшему развитию сухопутной азиатской, т. е. восточной, торговли, о чем мечтал еще Петр I. По их мнению, Восточная торговля «обещает неисчерпаемые источники богатства тем более, что она «в данном регионе не подлежит влиянию владычицы морей—Англии»²¹³. Развитие торговли, естественно, подразумевало развитие промышленности, следовательно, развитие страны на новой социальной основе.

Таким образом, из предположений Лазаревых явствует, что они всячески желали обеспечить для «Армянского царства» такой путь развития, который способствовал бы требованиям эпохи формирования и развития капитализма.

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу, что деятели армянского национально-освободительного движения первой трети XIX столетия проявляли довольно трезвый подход к проблемам, возникшим перед ними в дни, когда решалось будущее Армении и армянского народа. В своих действиях они исходили из единственно правильной мысли, что в создавшихся исторических условиях Армении может принести освобождение лишь помощь России. Основываясь на давних примерах дружбы народов, они правильно полагали, что решение такой прогрессивной задачи, как восстановление в той или иной форме армянской государственности, осуществимо лишь с помощью России. С другой стороны, они хорошо понимали и то, что с наступлением XIX в. произошли сдвиги в политике царского правительства в связи с присоединением Грузии к России и ликвидацией Грузинского царства. Именно этим объясняется, что

²¹² Там же, папка 111, д. 36, док. 80.

²¹³ Матенадаран, архив Лазаревых, папка 106, д. 51, док. 93.

восстановление «царства Армянского» они подразумевали в форме внутренней автономии, отказываясь от республиканских идей второй половины XVIII в. Этот отказ, однако, не означал, что они отрицали необходимость буржуазного пути развития.

С целью достижения осуществления своих минимальных требований в вопросе «восстановления Армении», деятели армянского освободительного движения, как мы видели, не жалели усилий, чтобы придать национально-освободительный характер русско-персидской войне 1826—1828 гг. и русско-турецкой войне 1828—1829 гг. Свидетельство этому—создание армянских добровольческих дружин, массовое участие во взятии крепости Ереван, Карс, Эрзерум и т. д. Свидетельство этому—предоставление русскому правительству проекты будущего статута «царства Армянского», составляющего часть Российской империи.

Нас не должно смущать то, что в проектах и предположениях 20-х годов XIX столетия говорилось о «восстановлении былой славы Армении», Армянского царства. Это не говорило ни об отсталости взглядов, ни о стремлении возродить старое. Как отмечает К. Маркс «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых. И как раз тогда, когда люди как будто только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее и создают нечто еще небывалое, как раз в такие эпохи революционных кризисов они боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуя у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном древностью наряде, на этом заимствованном языке разыгрывать новую сцену всемирной истории»²¹⁴. Именно этим и объясняется, что деятели армянского национально-освободительного движения воскрешали призрак бывшего Армянского царства, что обращались к древности, освященной в памяти народной. Поэтому предполагаемая ими идея армянской государственности драпировалась в костюм «былой славы Армении». На деле же, как мы видели, они ставили перед собой совершенно конкретные задачи, соответствующие духу и требованиям своего времени.

При наличии стремления армянского народа увидеть восстановленным свое государство, царское правительство вынуждено было пойти на некоторые, хотя и незначительные

²¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 119.

уступки. Они выразились в факте создания армянских дружин и, что главное, Армянской области. Идя на эти уступки, царизм одновременно предпринял все меры, чтобы превратить Восточную Армению в колониальный придаток своей обширной империи. Тем не менее, присоединение Восточной Армении к России имело прогрессивные последствия для дальнейшего развития страны.

* * *

В заключении в обобщенном виде даны выводы:

а) Раздел Армении, ее нахождение под властью двух восточных деспотий и сложная международная обстановка рассматриваемого периода исключительно осложняли национально-освободительную борьбу армянского народа, опиравшегося в виду создавшихся исторических условий на внешнюю помощь, на помощь России. Поэтому армянскими освободительными деятелями ставился в первую очередь вопрос освобождения Восточной Армении, как древнейшего центра армянской государственности.

б) Армянское национально-освободительное движение частично являлось также результатом эпохи Просвещения и выдвинутых ею задач. По этой причине большое внимание уделялось необходимости развития и распространения народного образования, издания переводных и оригинальных сочинений в просветительском духе, преподавания естественных наук и т. д. Все это выражало интересы так называемой колониальной армянской торгово-промышленной буржуазии, стремившейся приобрести свой национальный рынок, создать собственную государственность под протекторатом России. Однако просветительное движение в армянской действительности имело некоторые особенности, выражавшиеся, в частности, в его отношении к церкви. Если европейское просветительное движение считало одной из своих основных задач борьбу против господства церкви, то в армянской действительности наблюдается противоположное явление. В силу исторических судеб Армении, церковь оставалась единственным общенациональным учреждением. Поэтому армянское просвещение, будучи выражением национально-освободительной борьбы, стремилось использовать церковь в целях национального освобождения, ставя лишь вопрос частичной реформы церкви.

в) В виду особенностей развития Востока, в социально-экономических отношениях Восточной Армении были налицо явления (в частности отсутствие личной крепостной зависимости), сохранение которых способствовали бы дальнейшему

экономическому прогрессу страны после освобождения. Поэтому, естественно, что освободительные круги в своих проектах большое внимание уделяли тому, чтобы не дать укорениться крепостничеству.

г) Анализ социально-экономического положения Восточной Армении показывает, что феодальная анархия и частные войны, режим безудержного угнетения и эксплуатации, национальный гнет должны были поднять армянский народ на освободительную борьбу, выражавшуюся в помощи русским армиям, в вооруженной борьбе.

д) Если в XVIII столетии политика царского правительства в Закавказье заключалась в создании либо армянского, либо грузино-армянского «буферного» государства, то в самом начале XIX в., после присоединения Восточной Грузии к России, эта политика изменилась и ставила перед собой цель присоединения остальных закавказских территорий. Несмотря на это, армянский народ связывал свои освободительные чаяния с победой русского оружия, продолжая питать надежду, что царское правительство останется верным своим прежним обещаниям.

е) Социально-политическое положение Восточной Армении, развитие армянской освободительной мысли вне пределов Родины—в армянских колониях, где командные высоты находились в руках армянской торгово-промышленной буржуазии—породили два направления в армянском национально-освободительном движении—радикальное буржуазное и национально-консервативное. Оба направления были согласны в главном—в вопросе освобождения Армении с помощью России, но придерживались разных тактических линий. Если буржуазное направление считало, что, наряду с внешней помощью, необходимо также широкое всенародное восстание народных масс для обеспечения хотя бы самоуправления, то национально-консервативное направление было пассивно в этом вопросе. Аргументируя свое нежелание прибегнуть к восстанию стремлением оградить себя и народ от возможных случайностей, оно тем самым молча отказывалось от восстановления государственности в том или ином виде.

ж) Анализ сохранившихся и представленных царскому правительству освободительных проектов показывает, что деятели национально-освободительного движения стремились к созданию так называемого «Армянского царства» в составе Российской империи, внутреннего самоуправления. Оно должно было выражаться в следующем; 1) официально российский император принимает титул армянского царя; 2) находящиеся в Закавказье все исконные армянские территории объединяются в «царстве армянском»; 3) создается армян-

ское войско в виде пограничной стражи и императорского гвардейского эскадрона; 4) армянские законы и дарованные российскими императорами привелегии действуют на всей территории Армении; 5) армянская церковь сохраняет свою автономию; 6) непризнание крепостного права. Создание «Армянской области» на территории бывших Ереванского и Нахичеванского ханств и Ордубадского округа свидетельствует, что царское правительство вынуждено было хотя в незначительной степени считаться с этими чаяниями.

3) Присоединение Восточной Армении к России было, несомненно, прогрессивным явлением, положившим конец угрозе национального существования, необеспеченности жизни и имущества народных масс, феодальной анархии и восточному деспотическому режиму, создавшим условия для развития производительных сил страны и культурного прогресса народа. Благодаря этому акту, борьба народных масс Восточной Армении слилась с классовой борьбой русского народа и дала возможность приобрести действительное освобождение. В результате присоединения к России в Восточной Армении возник надежный очаг национальной консолидации армянского народа, явившийся залогом его возрождения в будущем.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Из истории общественно-политической деятельности Лазаревых, Изд. АН Арм. ССР, Ереван, 1966, 12, 1 п. л. (на арм. яз., резюме на русском яз.).
2. Введение к I т. сб. док. «Присоединение Восточной Армении к России (1801—1813)», Ереван, 1972, 2 1/4 п. л. (в соавторстве с академиком АН Арм. ССР Ц. П. Агаяном).
3. Восточная Армения в начале XIX в. (раздел V тома «Истории армянского народа»), Ереван, 1974, 4 п. л.
4. Восточная Армения в 1830—1860 годах (раздел V тома «Истории армянского народа», Ереван, 1974, 5 п. л. (в соавторстве с чл.-корр. АН Арм. ССР В. Рштуни).
5. «Присоединение Восточной Армении к России», сб. док., т. I, Ереван, 1972, 62 п. л. (составитель вместе с Ц. П. Агаяном, С. А. Тер-Авакимовой, Д. А. Мурадяном).
6. Из истории основания Лазаревского института, «Известия» АН Арм. ССР, 1961, № 7, 1 п. л.
7. Отношение армянских деятелей к Отечественной войне 1812 г., «Известия» АН Арм. ССР, 1962, № 10, 1 п. л.
8. Страницы из истории армянского купеческого капитала в России, «Историко-филологический журнал», 1962, № 4, 1 п. л.
9. Лазаревский институт, «Известия» АН Арм. ССР, 1965, № 12, 1 п. л.
10. Историкографический очерк новой истории Армении, «Известия» АН Арм. ССР, 1967, № 3, 1 1/3 п. л. (соавторы: Г. М. Казарян, Д. А. Мурадян).
11. «Советская историография Армении», М., 1968, 7 п. л. (в соавторстве).
12. Общественная мысль Армении с древнейших времен до начала XX в., БСЭ, т. 2, третье издание, М., 1970, 3/4 п. л. (в соавторстве).
13. Монастырское хозяйство Эчмиадзина в начале XIX в., «Страницы истории и филологии армянского народа», сб. статей, Ереван, 1971, 1 1/4 п. л.
14. Первые шаги просветительного движения в армянской действительности, «Вестник общественных наук», 1973, № 3, 1 п. л.